

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

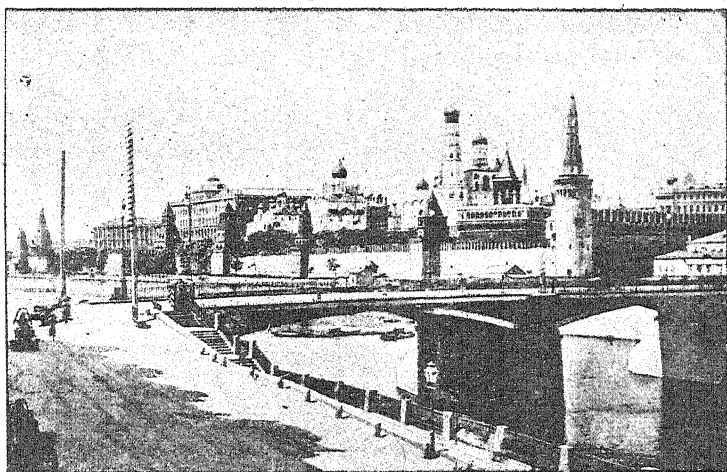
ЧТЕНІЯ

Д Л Я

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

V выпускъ.

В. Назаревского.

Издание Комиссія по устройству чтеній для рабочихъ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1904.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ЧТЕНІЯ

ДЛЯ

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

V выпускъ.

В. Назаревского.

Издание Комиссии по устройству чтений для рабочихъ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1904.

Дозволено цензурою. Москва, 13 марта 1904 года.

2004175429

1.

Преображеніе династіи Рюрика и трудность избрать родоначальника новаго Царствующаго дома, какъ главнѣйшая причина смутъ.— Преданность народа угасшей династіи и его несклонность къ избирательной и ограниченной монархіи.— Избраніе на царство Бориса Годунова.— Народъ не беретъ на себя судить его за несправедливое достиженіе престола, а судъ отдастъ будто бы спасшемуся царевичу Димитрію, какъ прирощенному престолонаслѣднику.— Характеръ правленія Бориса Годунова.— Появленіе Лжедмитрія I, его похождения и успѣхи, смерть Бориса и воцареніе самозванца.— Женитьба его на Маринѣ Мнишекъ.— Гибель Лжедмитрія и воцареніе Василія Шуйскаго.

о смерти царя Θεодора Іоанновича въ 1598 году до избранія на царство Михаила Θεодоровича Романова въ 1613 году, Россію потрясали страшныя смуты, доведшія наше государство до полнаго уничтоженія и поставившія нашъ народъ въ то положеніе анархіи, въ какомъ онъ находился предъ призваніемъ князей въ 862 году.

Основная причина смуты заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудности найти Основателя новой Царской династіи такого, какому были бы по головѣ и по плечамъ шапка и бармы Мономаха, вѣнчавшія наслѣдственныхъ, прирощенныхъ государей нашихъ. Но это—самое тяжкое во всей нашей Исторіи—пятнадцатилѣтіе ясно показало, что народъ русскій безусловно чуждъ революціонныхъ стремленій и представляетъ поразительную преданность чистой, неограниченной, безъ смѣшенія съ на-

родовластіемъ, наслѣдственной самодержавной монархіи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была многолѣтнимъ историческимъ трудомъ во времени Іоанна III и въ какомъ существовала при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ IV и сынѣ его Θεодорѣ Іоанновичѣ.

Царствованіе бездѣтнаго Θεодора и смерть единственнаго его наслѣдника, брата его царевича Димитрія, никого въ Россіи не навела на мысль, что прекращеніемъ династіи можно воспользоваться какой-либо общественной группой для присвоенія себѣ, въ той или другой мѣрѣ, верховной власти, для переустройства государства на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствовали при Грозномъ Іоаннѣ IV и при братомъ Θεодорѣ. Не шевельнулись въ сторону народовластія прежніе вѣчевые города, какъ Новгородъ, Псковъ и Вятка, не тронулись въ сторону удѣльныхъ многодержавія и обособленія отъ Москвы тѣ области, кои прежде были удѣльными княжествами, не взволновались правящіе классы боярства и дворянства, въ интересахъ подъема своего политическаго значенія, за счетъ власти будущаго монарха. Польша и Литва, въ лицѣ ихъ вельможъ и шляхты, еще раньше смерти послѣдняго, тоже бездѣтнаго представителя угасающей династіи Ягеллоновъ (Сигизмунда II Августа), въ особой конституціи на Люблинскомъ сеймѣ, умалили власть своего государя особенно тѣмъ, что наслѣдственный его престолъ сдѣлали избирательнымъ. У насъ это было хорошо извѣстно, но ни чьи руки, ни чьи помыслы не простирались къ избранію государя и къ ослабленію его власти въ свою пользу. То, что предъ самой кончиной Θεодора Іоанновича спрашивалъ у умирающаго царя патріархъ: «кому приказываешь царство свое и насъ сирыхъ?», готовъ былъ спросить каждый вѣрный сынъ народа, сознавая, что онъ при своихъ предкахъ отдалъ наслѣдственную верховную власть надъ собою тому Рюрику, который положилъ начало русскому государству и родъ котораго володѣлъ народомъ до самой кончины Θεодора и такъ много сдѣлалъ для созданія могущества Россіи. Примѣчательно, что когда послѣдній представитель царской династіи скончался, чѣмъ-то страннымъ, не требующимъ даже отвѣта, прозвучало предложеніе дьяка Щелкалова о томъ, что нужно присягнуть на имя думы боярской, и всѣ стали присягать вдовствующей царицѣ Иринѣ, хотя заранѣе было извѣстно, что она уходитъ въ иночество и царствовать не будетъ. Точно также, и послѣ ея постри-

женія подѣ именемъ Александры въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; опять никто не заговорилъ о *выборѣ государя* и, по слову начальнаго челоуѣка—патріарха, всѣ готовы были безъ выборнаго сейма присягнуть правителю государства Борису Феодоровичу Годунову, какъ царю. Если же былъ созванъ избирательный земскій соборъ, то этого хотѣлъ никто другой, какъ самъ Годуновъ, думавшій, что избраніе соборомъ сдѣлаетъ его родъ прочіе на престолѣ, чѣмъ одно провозглашеніе народомъ и

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ. По Титулярнику.

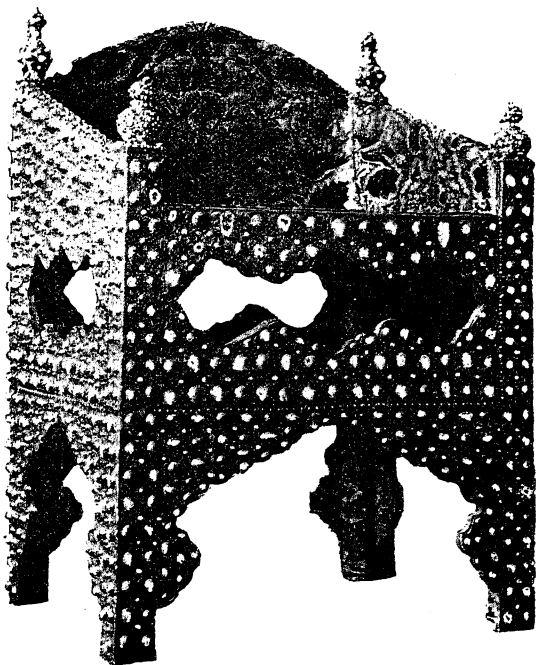
присяга подданныхъ. Въдѣ и послѣ этого князю Василию Шуйскому для своего воцаренія оказалось достаточнымъ лишь провозглашеніе царемъ въ Москвѣ и присяга на его имя подданныхъ, а избирательный земскій соборъ для передачи престола совсѣмъ не созывался.

Достопримѣчательно также, что и въ послѣдующее время народъ не взялъ на себя свергать сына перваго выборнаго царя Θεодора Борисовича Годунова, отдавая надъ нимъ судъ всецѣло и единственно тому, кого считалъ сыномъ Іоанна Грознаго—спасшимся будто отъ убійцы царевичемъ Димитріемъ; освобожденіе же отъ власти Годуновыхъ казалось народу возвращеніемъ подъ власть безусловно законнаго, наслѣдственнаго, прирожденнаго государя «Милостію Божіей», а не чѣмъ бы то ни было избраніемъ. И низверженіе Шуйскаго, какъ увидимъ ниже, не было всенароднымъ, а было дѣломъ приверженцевъ Ляпунова, въ то время, какъ отъ крамолъ и смуть все распаталось, всѣ измалодушествовались. Когда же русскіе люди, по знаменательному выраженію того времени, «достаточно наказались», народъ самъ возстановилъ у себя наслѣдственную самодержавную монархію въ лицѣ Михаила Θεодоровича Романова, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создавалась многовѣковой исторіей, существовала при Іоаннѣ IV и его сынѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ.

Но послѣ этихъ общихъ разсужденій обратимся къ царствованію Бориса Θεодоровича Годунова.

Избраніе его на царство совершилось правильно. Раньше онъ былъ, какъ вы знаете, правителемъ государства при Θεодорѣ Іоанновичѣ, былъ братомъ той царицы, которой присягнула Москва, былъ призванъ на царство патріархомъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, съ одобренія боярства и народа. Но онъ не принялъ этого призванія, и пришлось созывать въ Москву на такъ называемый земскій соборъ выборныхъ людей отъ областей и городовъ, и они вмѣстѣ съ правящимъ классомъ московскаго государства избрали его царемъ. И при этомъ Борисъ двукратно отказывается отъ этого высокаго избранія и принимаетъ его только тогда, когда патріархъ Іовъ съ крестнымъ ходомъ, съ Владимірской иконой Богоматери двинулся въ Новодѣвичій монастырь, когда народъ на колѣняхъ умолялъ его принять царство, когда царица инокиня благословила его на это. Правильнѣе этого никто не могъ быть избранъ на царство даже изъ тѣхъ, кто болѣе имѣлъ правъ на это, по древности и знатности своего рода и по близости къ царскому престолу. И народъ присягнулъ на подданство Борису, не какъ избранному на одно царствованіе, а какъ родоначальнику новой царской династіи; безъ всякихъ выборовъ, послѣ его смерти, русскіе люди присягнули и его наслѣднику и сыну Θεодору Борисовичу.

Въ день своего коронованія въ Успенскомъ соборѣ Годуновъ предъ лицомъ патріарха громко сказалъ: «Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ». Взявшись за воротъ своей рубашки, прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми». Но душа народная смущалась тѣмъ, что на Борисъ Годуновъ тяготѣло обвиненіе, что онъ былъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія, и что онъ преступленіемъ несправедливо продолжилъ себѣ путь къ престолу. Однакоже нашъ народъ не присвоилъ себѣ суда надъ правильно избраннымъ и по преданіямъ

Тронъ Царя Бориса Θεодоровича.

вѣнчаннымъ на царство государемъ. По убѣжденіямъ народа, судить его могъ только Богъ или тотъ, кому по правдѣ и закону долженъ былъ принадлежать царскій скипетръ. И въ этомъ вы можете увидеть, какъ далеко русскій народъ отъ мятежно-революціоннаго духа народовъ запада, поднимавшихся иногда на своихъ законныхъ государей, судившихъ ихъ. Свергнуть сына Годунова Θεодора Борисовича съ престола, освободить народъ отъ присяги ему на подданство могъ только тотъ, кто убѣдилъ народъ, что на его отческомъ и праотческомъ престолѣ несправедливо, какъ похитите-

ли его царства, возсѣли Годуновы, тотъ, кто удостовѣрилъ народъ, будто онъ спасшійся царевичъ Дмитрій, прирожденный, наслѣдственный государь. Народъ въ своемъ простодушіи не узналъ въ немъ обманщика — самозванца и пошелъ за нимъ противъ Годуновыхъ, какъ за своимъ законнымъ и прирожденнымъ государемъ. Это характернѣйшее явленіе нашего смутнаго времени, ярко рисующее духъ нашего народа,—отличіе нашего лихолѣтя отъ революціонныхъ движеній запада.

Семилѣтнее царствованіе Бориса Годунова (1598—1605) представляетъ поразительную картину того, какъ родоначальникъ новаго Царствующаго Дома выбивается изъ силъ устоять подъ тяжестью обогрѣвнныхъ царственной кровью бармъ Мономаха и какъ падаетъ онъ подъ этимъ непосильнымъ для него бременемъ. Эта картина гениальными чертами нарисована нашимъ ве-

Печать Бориса Годунова.

ликимъ историкомъ Н. М. Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго и нашимъ великимъ національнымъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ въ его исторической драмѣ: «Борисъ Годуновъ».

Мы не станемъ рассказывать подробно—какъ правилъ государствомъ Борисъ. Но дѣянія его обнаруживали умъ и добрыя заботы о благѣ народномъ. Онъ былъ миролюбивъ и не затѣвалъ войнъ, облегчалъ народу подати, щедро благотворилъ бѣднымъ и сиротамъ, заботился объ оживленіи торговли и промышленности, строилъ города, проводилъ дороги, хлопоталъ о правосудіи и порядкѣ въ управленіи, о просвѣщеніи народа, собирався вызывать иностранцевъ для обученія русскихъ разнымъ

наукамъ и чужимъ языкамъ, посылалъ русскихъ учиться за границу. Первые годы правленія Бориса были вполнѣ благополучны. Но вотъ Россію посѣщаютъ различныя бѣдствія. Съ 1601 года начался у насъ страшный неурожай, продолжавшійся два года подрядъ и вызывавшій сильный голодъ и моръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человекъ. Бо-

Колокошья Ивана Великаго.

рисъ Феодоровичъ напрягалъ всѣ свои усилія помочь народу въ бѣдѣ, раздавалъ ему съ поразительной щедростью деньги и хлѣбъ, но это сзывало въ Москву массы народа и дѣйствительно нуждавшагося, и просто охочаго до дарового пайка; скуподалъ хлѣбъ и приказывалъ продавать его по дешевой цѣнѣ; чтобы дать заработокъ народу, затѣвалъ новыя постройки.

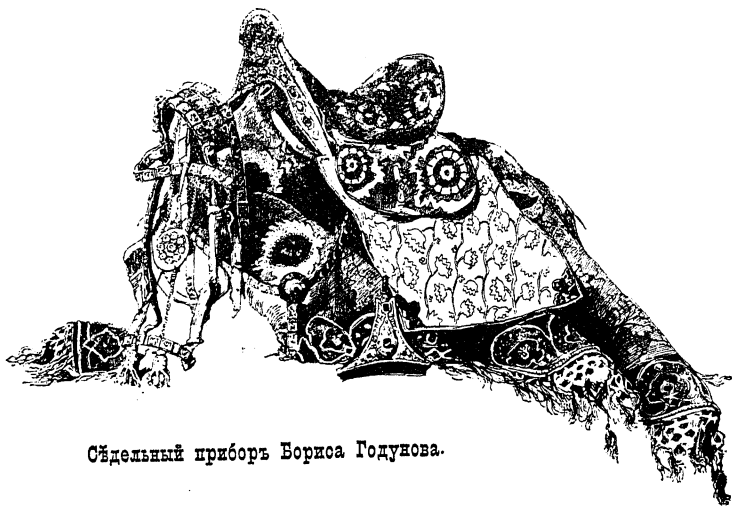
Памятникомъ этого является нашъ Иванъ Великій. Но ни хорошая правительственная дѣятельность, ни щедрая благотворительность Бориса не привязывали къ нему сердца народнаго, не успокаивали никого. Смутно говорили въ народѣ, что всѣ бѣдствія тогдашняго времени посланы Богомъ за кровь царевича Димитрія. И самъ Борисъ почувствовалъ себя не прочнымъ на престолѣ, омрачился въ душѣ своей, сталъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, всюду видѣлъ измѣну. Одновременно съ бѣдствіями начались гоненія на выдающихся бояръ, которые прежде были близки къ престолу. Особенно тяжки были гоненія на бояръ Романовыхъ, родственниковъ угаснаго царскаго рода; ихъ неправо обвинили въ замыслахъ противъ царя и всѣхъ отправили въ заточеніе, а наиболѣе царствениаго изъ нихъ Θεодора Никитича постригли въ монахи въ Сійскій Антоніевъ монастырь; постригли также въ монахини супругу его Ксенію подъ именемъ Марѣы, а шестилѣтняго ихъ сына (будущаго царя) Михаила Θεодоровича съ его теткой и ея мужемъ княземъ Черкасскимъ сослали въ Бѣлоозеро.

Мрачно было въ душѣ Бориса и темно стало и въ сердцѣ народномъ. Какъ молнія, прорѣзала этотъ мракъ поразительная вѣсть, что царевичъ Димитрій не былъ убитъ въ Угличѣ, что вмѣсто него убили другого мальчика, а онъ спасся и теперь собирается гдѣ-то за рубежемъ Россіи идти на Бориса и возвратить себѣ похищенное у него царство. Все замутилось.

Вотъ какия рѣчи влагааетъ поэтъ въ уста Бориса Годунова, характеризую его настроеніе.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ душѣ моей...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами его любовь снискать,—
Но отложилъ пустое попеченье...
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибалъ;
Я отворилъ имъ житницы, я злато

Разсыпаль имъ; я имъ сыскаль работы,
Они жъ меня, бѣснұясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ,—
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;—
Какъ буря, смерть уноситъ жспиха;
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочѣрнаго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умреть,—я всёхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Теодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да нѣкуда... Ужасно!
Да жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Сѣдельный приборъ Бориса Годунова.

Орудіемъ противъ Бориса и его рода явился самозванецъ, принявшій на себя имя спасагося будто отъ убійцъ Димитрія царевича.

Кто подготовилъ самозванца, какъ орудіе для гибели Бориса и сверженія рода Годуновыхъ, — рѣшить трудно.

По русскимъ свидѣтельствамъ того времени, онъ былъ сыномъ стрѣлцаго сотника Богдана Отрепьева изъ города Галича и мальчикомъ жилъ на службѣ у разныхъ бояръ, научился грамотѣ, странствовалъ по монастырямъ и постригся въ монахи. Живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ, какъ грамотный и способный малый, попалъ къ патріарху для письменнаго дѣла въ крестовые дѣяки, бывалъ съ нимъ въ думѣ царской и отлично зналъ тогдашнее положеніе дѣлъ. Онъ сталъ говорить монахамъ неподобныя рѣчи: «знайте, что я буду царемъ на Москвѣ»..... Такія сумасбродныя слова, пугавшія слушателей своею дерзостью, дошли до высшихъ властей. Какъ безумца, Григорія Отрепьева не казнили, а отправили въ ссылку на вѣчное покаяніе въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но сопровождавшій его дьякъ упустилъ его, а онъ бѣжалъ въ польскія владѣнія. Въ мѣстечкѣ Гошѣ близъ Луцка, на Волыни, онъ сѣлъ за латинскую грамматику, научился по-польски, потомъ ушелъ къ запорожскимъ казакамъ, гдѣ привыкъ владѣть мечомъ и конемъ и, наконецъ, поступилъ на службу къ польскому вельможѣ Адаму Вишневецкому; однажды онъ притворился опасно больнымъ, призвалъ духовника и просилъ, чтобы, въ случаѣ смерти, похоронили его, какъ царскаго сына. Это было передано Вишневецкому, которому Отрепьевъ показалъ бывшій на груди его драгоценный крестъ съ мощами и какую-то грамоту, говорившую, что онъ Димитрій царевичъ, спасшійся отъ убійцъ въ Угличѣ. Повѣрилъ или нѣтъ этому Вишневецкій, но онъ и паны польскіе, конечно, въ своихъ видахъ, стали поддерживать объявившагося у нихъ московскаго царевича. Одинъ изъ нихъ панъ Юрій Мишекъ сговорилъ за него дочь свою, красавицу Марину; но свадьба была отложена до вступленія Димитрія на русскій престолъ; католическіе монахи-іезуиты стали поддерживать самозванца у папы и короля польскаго Сигизмунда III, потому что онъ тайно принялъ католическую вѣру и общалъ ввести ее въ Россіи; король, разсчитывавшій, что Лжедимитрій сдѣлается орудіемъ польскихъ видовъ на Россію, принялъ его у себя, сталъ давать ему деньги и разрѣшилъ собирать себѣ войско изъ

польской шляхты. Вѣсти обо всемъ этомъ доходили до Москвы, чрезвычайно волновали Бориса Годунова, обрадовали нелюбившихъ его, да и всѣхъ русскихъ людей привели въ сильное возбужденіе. Годуновъ принималъ всяческія мѣры противъ успѣховъ самозванца. Онъ велѣлъ охранять отъ перехода польскую границу, патріархъ Іовъ отлучилъ самозванца отъ церкви и предалъ въ храмахъ анаѣмъ. Борисъ издалъ грамоту, разоблачавшую его происхожденіе и самозванство. Въ ней онъ назывался бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ. Но эти

Борисъ Годуновъ *).

мѣры не могли успокоить смуты въ умахъ, не могли удержать русскихъ людей отъ перехода на сторону объявившагося царевича, въ которомъ они искренно, хотя и неосновательно, видѣли законнаго, прирожденнаго, наслѣдственнаго государя, шедшаго отнять по праву принадлежавшій ему престолъ отъ похитителя власти. Конечно, къ самозванцу переходили многіе, не вѣря въ его царское происхожденіе. Это были смутьяны, замышлявшіе изъ замѣшательствъ въ своемъ отечествѣ извлечь свои выгоды.

По переходѣ самозванца чрезъ польскую границу въ русскіе предѣлы, къ нему примкнули казаки и подъ его знамена

---

*) Съ древняго портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

стали стекаться и разные русскіе подонки и всѣ недовольные Борисомъ. Многіе города Сѣверской украины добровольно сдались самозванцу, какъ подлинному Димитрію. Но Новгородъ Сѣверскій, защищаемый воеводой Петромъ Басмановымъ, остался вѣрнымъ Борису и мужественно отбилъ отъ самозванца. Сюда подошло царское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Но уже и ратными людьми овладѣло сомнѣніе, не поднимають ли они рукъ противъ своего законнаго государя. По выраженію лѣтописи, у русскихъ людей не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій потерпѣлъ пораженіе. На мѣсто этого раненаго воеводы посланъ былъ съ войсками князь Василій Ивановичъ Шуйскій и нанесъ пораженіе самозванцу при Добрыничахъ. Но воеводы не воспользовались этою побѣдой и дали Лжедимитрію оправиться при помощи новыхъ поддѣлленій. Сила

Печать Гесдора Борисовича.

самозванца была не въ побѣдахъ, а въ слабости Бориса, — въ утратѣ въ народѣ вѣры въ законность царствованія Годунова; число приверженцевъ его таяло, а число сторонниковъ мнимаго Дмитрія расло. Самъ Борисъ чувствовалъ, какъ почва подъ нимъ колеблется и уходитъ изъ-подъ его ногъ и среди глубокихъ внутреннихъ волненій, въ самое критическое время, внезапно скончался. 13 апрѣля 1605 года Борисъ послѣ обѣда поднялся на вышку царскаго терема полюбоваться видомъ Москвы и внезапно почувствовалъ себя дурно: у него полилась изъ ушей и носа кровь, наскоро призвали врачей-иностранцевъ и патріарха. Тотъ едва успѣлъ возложить на него схиму съ именемъ Боголѣпа. Царь скончался. Въ его смерти увидали судъ Божій за кровь Димитрія царевича.

Однако и въ это тяжкое время, несмотря на охватившее

всѣхъ колебаніе, московскій народъ и войско присягнули на подданство шестнадцатилѣтнему сыну Бориса Θεодору, какъ наслѣдственному государю. Онъ былъ добрый и хорошо образованный юноша. Обративъ вниманіе на то, что Шуйскій и Мстиславскій опустили руки предъ сидѣвшимъ въ Путивлѣ самозванцемъ, онъ на смѣну этихъ воеводъ послалъ изъ Москвы Басманова. Но новый воевода засталъ въ войскѣ сильную *шатость въ умахъ*, нежеланіе повиноваться Годуновымъ и потерялъ надежду на успѣхъ. Не твердый въ нравственномъ долгѣ, онъ измѣнилъ присягѣ, присоединился къ приверженцамъ самозванца

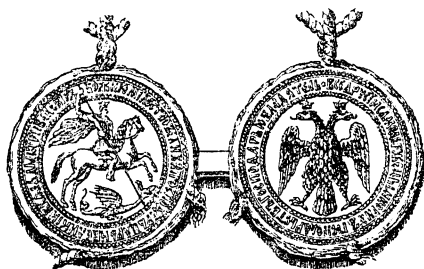
Дмитрій Самозванецъ.

и объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Это было рѣшительнымъ ударомъ еще невѣнчанному на царство Θεодору Борисовичу. Лжедимитрій, сопровождаемый возраставшимъ успѣхомъ, двинулся въ Москву и отправилъ туда свои ласковыя грамоты. Москва отступилась отъ Θεодора Годунова, онъ былъ сведенъ съ царства и скоро былъ убитъ приверженцами самозванца.

Низверженіе Годуновыхъ произошло не въ видѣ революціи, передающей верховную власть какому-либо изъ ея вождей, а въ видѣ возвращенія престола будто спасшемуся отъ смерти, его законному прирожденному наслѣднику, царевичу Димитрію. Чрезвычайно характерно, что даже противъ несправедливо захва-

тившаго власть Годунова и его сына можно было возмутить народъ только именемъ законнаго государя. И тѣ, кто подготовилъ самозванца, вызвавъ тѣмъ убитаго Димитрія, дѣйствовали съ тонкимъ разумѣніемъ государственнаго духа русскаго народа, чуждаго всему революціонному и анархическому.

Послѣ убіенія Θεодора и супруги Бориса Маріи и низверженія патріарха Іова, 20 іюня, въ чудный лѣтній день 1605 года, вступилъ самозванецъ въ присягнувшую ему Москву. Народъ, вѣрившій, что это приходитъ истинный царь Димитрій, громадными толпами наполнилъ улицы и площади и покрылъ крыши домовъ и колоколни и радостно привѣтствовалъ не новаго выборнаго властителя, а прирожденнаго государя, продолжателя старой династіи. Но вступленіе самозванца въ Москву было

Печать Лжедимитрія І.

необычайнымъ: впереди ѣхали польскіе латники, въ ихъ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, польскіе паны въ кунтушахъ и конфедераткахъ; вокругъ самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ; сзади же его шли русскіе бояре и русскіе полки. Лжедимитрій ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ. Звонъ колоколовъ сливался съ привѣтственными кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванецъ выѣзжалъ изъ москворѣцкихъ воротъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усадѣли на лошадей; колокола сами собою зазвонили у св. Софіи, что на набережной; покрытое тучами пыли шествіе остановилось. Народъ увидѣлъ въ этомъ недоброе предзнаменованіе. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ, что въ ту минуту, когда Димитрій, встрѣ-

ченный духовенствомъ, прикладывался къ образамъ на Лобномъ мѣстѣ, на Красной площади гремѣла музыка: трубы и литавры заглушали церковное пѣніе. Въ то время, какъ самозванецъ проявлялъ притворное волненіе предъ гробомъ Грознаго въ Архангельскомъ соборѣ, князь Василій Шуйскій уже говорилъ народу, что это—не истинный Димитрій, а самозванецъ, за что едва не поплатился головою, помилованный самозванцемъ уже на самой плахѣ.

Трудно было держаться на престолѣ Лжедимитрію, хотя на его сторонѣ было расположеніе народа, въ своемъ большинствѣ простодушно вѣрившаго, что онъ—подлинный Дмитрій Іоанновичъ, и хотя онъ обладалъ умомъ и энергіей. Если кровь Димитрія царевича погубила Годунова съ его родомъ, то тѣмъ паче измѣна русскому духу Лжедимитрія, сѣвшаго на престолъ, правда, не насиліемъ, а только обманомъ, должна была погубить новаго похитителя шапки Мономаха. Самозванецъ купилъ поддержку Польши въ лицѣ ея короля, духовенства и пановъ, цѣной тайнаго принятія папизма и обязательства ввести его въ Россію. Кромѣ того, онъ вводилъ въ православный Кремль, въ качествѣ русской царицы, католичку, польскую pannу Марину Мишпекъ. Нѣкоторые историки сильно налегаютъ на то, что Лжедимитрій легкомысленно относился къ русскимъ обычаямъ, давая этимъ понять, будто онъ удержался бы на престолѣ, если бы освободился отъ своего безпечнаго легкомыслія. Но притворное уваженіе къ русскимъ обычаямъ не могло бы надолго укрыть въ самозванцѣ болѣе существеннаго, именно того, что онъ идетъ противъ самой коренной основы нашей жизни,—противъ православія, что онъ не—«царь православный». Не одѣвайся онъ въ польскій костюмъ, ходи въ баню, не ѣшь телятины въ постные дни, не дѣлай и другихъ нарушеній нашего быта,—народъ своимъ вѣщимъ чутьемъ разгадалъ бы, кто—онъ и что — онъ, и убѣдился бы, что онъ ошибся, признавъ въ немъ истиннаго сына царя Іоанна IV.

На мѣсто сверженнаго патріарха Іова былъ возведенъ самозванцемъ грекъ Игнатій, бывший архіепископомъ въ Рязани. Онъ первый изъ архіереевъ призналъ Лжедимитрія царемъ. Вслѣдъ затѣмъ новый придворный сановникъ — великій мечникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій привезъ изъ Выксинскаго монастыря (въ 500 верстахъ отъ Москвы) царицу-инокиню Марю. Несчастливая вдова Грознаго должна была послѣ свиданія съ мнимымъ сыномъ въ шатрѣ близъ села Тайнинскаго при-

знать самозванца своимъ порожденіемъ. Вдовствующая царица была поселена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

30-го іюля Лжедмитрій, по установленному чину, вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ. Но къ древне-русскому священнодѣйствию примѣшалось нѣчто чуждое, непріятно поражавшее народъ. Въ храмѣ Пречистыя польскій іезуитъ Черниковскій привѣтствовалъ рѣчью новаго царя. По случаю коронаціи, послѣдовали царскія милости: пожалованъ былъ, какъ мнимый дядя государя, Михаилъ Нагой саномъ великаго конюшаго; бояре Ро-

Димитрій Самозванецъ.

мановы, какъ родственники Димитрія, были возвращены изъ заточенія, Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ митрополиты ростовскіе, а Иванъ Никитичъ Романовъ получилъ санъ боярина.

Но Москва уже стала всматриваться въ то фальшивое, нерусское, что видно было въ быту и обстановкѣ новаго властителя. Кромѣ упомянутаго нарушенія русскихъ обычаевъ, всѣхъ поражала невиданная расточительность Лжедмитрія, въ пользу чужихъ, дававшего иноземнымъ музыкантамъ такое жалованье,

какого не получали и первые сановники государства. Называя себя «непобѣдимымъ императоромъ», самозванецъ сдѣлалъ себѣ изъ чистаго золота богатѣйшій тронъ со львами и большимъ орломъ и увѣшалъ его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одѣтый въ польскій костюмъ, онъ бѣшено ѣздилъ верхомъ по Москвѣ и даже къ Успенскому собору, чего не бывало прежде, подѣзжалъ на сѣдлѣ. Устраивая травли медвѣдей и волковъ, съ невиданнымъ въ Москвѣ задоромъ участвовалъ въ нихъ самъ. Не ложась спать послѣ обѣда, онъ ходилъ пѣшкомъ въ гости къ полякамъ и нѣмцамъ; а боярамъ, недосмотрѣвшимъ выхода его

Марина Мнишекъ.

изъ дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки шировали въ Москвѣ, высокомерно обращались съ русскими и обижали ихъ.

По свидѣтельству современниковъ, первый самозванецъ былъ сильный и широкоплечій человѣкъ, мрачный и задумчивый, безъ бороды и усовъ. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинныя, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы и крупный носъ; на лицѣ онъ имѣлъ двѣ бородавки: одну на носу, на правой сторонѣ, а другую—на лѣвой сторонѣ на лбу, да, кромѣ того, родимое пятно у праваго плеча. Одна рука у него была длиннѣе другой; въ

рукахъ была сила необыкновенная. Нѣкоторыми изъ указанныхъ примѣтъ онъ походилъ на Дмитрія царевича, хотя, по выраженію одного современника, имѣлъ простое обличіе, не царскаго достоинства.

Чѣмъ дальше шло, тѣмъ сильнѣе вѣялъ въ Москвѣ польскій духъ: въ Ивановской колокольнѣ ксендзы стали совершать католическія мессы; появился въ Кремлѣ папскій легатъ; пасторы протестантовъ — наемныхъ нѣмцевъ стали открыто совершать свои службы. Въ Москвѣ пошли приготовленія къ пріѣзду царской невѣсты Марины Мнишекъ.

3-го мая она прибыла въ Москву; на ея пути сдѣланы были большія приготовленія. За Дорогомиловской заставой, у Москвырѣки, былъ раскинутъ великолѣпный шатеръ, гдѣ Мстиславскій съ другими боярами привѣтствовалъ Марину. Здѣсь пересѣла она въ великолѣпную колесницу, украшенную серебряными орлами и запряженную двѣнадцатью бѣлыми конями съ черными пятнами. Внутри колесницы лежали подушки, унизанныя жемчугомъ; колеса ея были вызолочены. Впереди шли 300 гайдуковъ и 300 музыкантовъ. За колесницей ѣхали 13 каретъ, въ коихъ сидѣла польская свита. Москва огласилась колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. Путь лежалъ по нынѣшнему Арбату, Тверскому бульвару, по Тверской, чрезъ Воскресенскія ворота на Красную площадь. У Спасскихъ воротъ не было духовенства, такъ какъ Марина была иновѣрка; зато музыка гремѣла здѣсь польскія національныя пѣсни. Марина была одѣта въ бѣлое атласное платье французскаго покроя, въ жемчугъ и драгоценныхъ камняхъ. У Вознесенскаго монастыря она была встрѣчена женихомъ и царицей-инокиней и поселилась въ ея кельяхъ.

Первый день по своемъ пріѣздѣ панна Мнишекъ ничего не ѣла, потому что русскія, да притомъ монастырскія кушанья были ей не по вкусу. Узнавъ объ этомъ, Димитрій прислалъ ей въ Вознесенскій монастырь польскихъ поваровъ и приказалъ увеселять ее музыкой и пляской. 7-го мая вечеромъ, при свѣтѣ 200 факеловъ, Марина переѣхала изъ монастыря во дворецъ. На другой день утромъ совершенно было ея обрученіе въ столовой палатѣ, куда невѣста введена была княгиней Мстиславской и воеводой сендомирскимъ. При обрученіи присутствовали только тысяцкій Василій Шуйскій, дружки и сваха и еще немногіе. Марина была въ русскомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ множествомъ драгоценныхъ камней, и въ золотомъ вѣнцѣ. Затѣмъ женихъ и невѣста перешли въ Грановитую па-

лату, гдѣ ждали ихъ русскій дворъ, польская свита и послы короля Сигизмунда III Гонсевскій и Олѣсницкій. Здѣсь поставлены были два трона; Михайла Нагой держалъ корону и бармы Мономаха, къ которымъ Марина приложилась. Потомъ царскій духовникъ повелѣ жениха и невѣсту въ Успенскій соборъ, гдѣ прежде всего Марина была вѣнчана на царство. Лжепатріархъ Игнатій, несмотря на то, что она не была присоединена къ православію, возложилъ на нее животворящій крестъ, бармы и царскую корону. Для нея былъ поставленъ тронъ рядомъ съ трономъ царя и сѣдалищемъ патріарха. За литургіей Игнатій помазалъ ее

Медаль Лжедмитрія I.

елеемъ и причастилъ. По окончаніи литургіи духовенство и бояре цѣловали у нея руку и присягали на вѣрность. Затѣмъ только немногіе оставлены были въ соборѣ, остальные же всѣ были высланы, а благовѣщенскій протоіерей совершилъ бракосочетаніе. Церемонія окончилась передъ вечеромъ, и новобрачные вышли изъ собора, при звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣлахъ и звукахъ трубъ и литавръ. Въ дверяхъ собора Мстиславскій осыпалъ ихъ золотыми монетами изъ богатой чаши, а всѣ остальные червонцы и медали бросилъ въ толпу.

Казанскій митрополитъ Гермогенъ (будущій патріархъ) и Іосифъ, архіепископъ коломенскій, предупреждали Лжедмитрія, что бракъ его съ Мариной будетъ незаконнымъ, если она не отречется отъ латинства и не присоединится къ православію. Но самозванецъ пренебрегъ предостереженіемъ, какъ и русскими обычаями, не разрѣшающими свадебъ подъ пятницу, въ которую въ томъ году праздновалась память св. Николая Чудотворца.

Начались праздники и пиры въ Кремлевскомъ дворцѣ, выражавшіе въ похитителѣ власти настроеніе, несвойственное сыну Грознаго и вообще русскому человѣку. На обѣдахъ самозванецъ садился лицомъ къ польскимъ панамъ, а спиной къ рускимъ боярамъ. По вечерамъ въ польскомъ костюмѣ танцевалъ мазурку и даже надѣвалъ на лицо маску. Но все это только больше и больше разоблачало въ глазахъ русскихъ, что онъ—подложный царь, и надвигало на него роковую грозу.

Быстрое приближеніе ея, да и самый духъ и характеръ самозванца не давали ему возможности оставить по себѣ прочныя памятники въ Москвѣ. Извѣстно, что онъ выстроилъ для себя новыя хоромы въ польскомъ вкусѣ; онѣ находились возлѣ Срѣтенскаго собора и лицомъ были обращены къ Москвѣ-рѣкѣ. О постройкѣ ихъ современникъ и очевидецъ Исаакъ Масса рассказываетъ слѣдующее: «надъ большой кремлевскою стѣною Іжедимитрій велѣлъ выстроить великолѣпное зданіе, откуда была видна вся Москва. Оно находилось на высокой горѣ, подъ которой протекаетъ Москва-рѣка, и состояло изъ двухъ строеній, расположенныхъ одно подлѣ другого и сходящихся подъ угломъ».

Одно предназначалось для Марины, а другое—для лже-царя. Въ этомъ дворцѣ Димитрій велѣлъ устроить очень дорогіе бѣлѣхины, стѣны обить дорогою парчею и рытымъ бархатомъ; всѣ гвозди, крюки, цѣпи и петли дверныя покрыть толстымъ слоемъ позолоты, внутри сдѣлать превосходныя печи и украсить ихъ разнообразными произведеніями искусства (печи были зеленены и нѣкоторыя обведены серебряными рѣшотками); занавѣски у оконъ сдѣланы изъ плотной матеріи алаго цвѣта. Онъ приказалъ также выстроить роскошныя бани, красивыя башни и конюшню рядомъ со своимъ дворцомъ. Во дворцѣ царь велѣлъ устроить множество потайныхъ дверей и ходовъ. Изъ этого дворца самозванецъ любовался не только видами Москвы, но и разными потѣхами, которыя зимой устраивалъ на льду Москвы-рѣки.

Іжедимитрій, любя воинскія упражненія, приказывалъ строить крѣпости и обстрѣливать ихъ пушками и однажды велѣлъ сдѣлать для образца крѣпость, двигавшуюся на колесахъ (турусы на колесахъ, или гуляй-городъ), съ нѣсколькими небольшими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами. Онъ хотѣлъ употребить эту подвижную крѣпость противъ татаръ и этимъ пугать ихъ и ихъ лошадей. Рота польскихъ всадниковъ осаждала для пробы эту крѣпость. На это зрѣлище царь смотрѣлъ сверху изъ своего дворца, и ему казалось, что крѣ-

пость вполне удовлетворять его желанію. Она была вся раскрашена: на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ — входъ въ адъ, извергавшій пламя; въ нижней части, на небольшихъ окнахъ, имѣвшихъ видъ чортовыхъ головъ, были поставлены маленькія орудія. Навѣные думали, что отъ такого остроумно придуманнаго изобрѣтенія татары тотчасъ придутъ въ замѣшательство и обратятся въ бѣгство. «Москвичи, говорить современникъ, назвали эту крѣпость адскимъ чудовищемъ и, послѣ смерти Димитрія, котораго они называли чародѣемъ, говорили, что онъ заперъ тамъ чорта, вполнѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ этою крѣпостью».

Печать Лжедимитрія.

Большую рѣдкость составляетъ печать Лжедимитрія I, на коей онъ названъ: «Божіею милостью, царевичъ Московскій Димитрій Ивановичъ». Печать эта приложена къ записи его (1604 г.), данной сендомірскому воеводѣ Юрію Мнишку о выдачѣ ему, по вступленіи самозванца на Россійскій престолъ, милліона злотыхъ польскихъ, о бракосочетаніи съ дочерью его Мариной и о предоставленіи ей въ вѣчное владѣніе земель Новгородской и Псковской, съ дозволеніемъ тамъ богослуженія католическаго.

Inperator Demetrius.

Почеркъ самозванца.

Воспроизводимъ также снимокъ съ его почерка. Онъ любилъ подписываться по-латыни: «Inperator Demetrius».

Самозванцу изъ медоваго мѣсяца пришлось прожить только одну недѣлю и слишкомъ скоро оставить Марину вдовою. Его полякующій образъ дѣйствій, антирусское настроеніе готовили ему гибель, разоблачая всѣмъ, что онъ обманщикъ. Князю Василю Ивановичу Шуйскому не трудно было подготовить гибель самозванца, привлекиши къ этому дѣлу массы войска и народа.

Лжедмитрій не придавалъ значенія слухамъ, доходившимъ до него чрезъ поляковъ и нѣмцевъ, что въ Москвѣ неспокойно. Онъ приказалъ устроить за Срѣтенскими воротами деревянную крѣпость и вооружилъ ее пушками. 18 мая предполагалось устроить здѣсь примѣрное сраженіе, со штурмомъ крѣпости, а затѣмъ народный праздникъ и маскарадъ у Марины. Между тѣмъ, Шуйскій дѣятельно подготавливалъ нападеніе на самозванца, привлекиши на свою сторону и бояръ, торговыхъ людей и 18 тысячъ войска, стоявшаго подъ Москвою и предназначеннаго для похода въ Крымъ. Распущены были слухи, что Лжедмитрій, 18 мая, начнетъ истребленіе русскихъ бояръ, подѣлитъ московскія области полякамъ и станетъ вводить латынскую вѣру. Въ ночь, съ 16-го на 17 мая, заговорщики ввели войско въ городъ и заняли имъ Кремлевскія ворота. Дворецъ въ это время охранялся только 30 нѣмецкими алебардчиками, потому что остальныхъ бояре, именемъ Лжедмитрія, отпустили по домамъ. Въ 4 часа утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, а затѣмъ загудѣлъ набатъ по всей Москвѣ. Толпы народа устремились на Красную площадь. Шуйскій верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія ворота и, приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ образу Владимірской Богоматери, закричалъ народу, чтобы всѣ во имя Божіе шли на еретика. Шумъ и набатъ разбудили самозванца и приближенныхъ его. Имъ сначала сказали, что это—пожаръ. Басмановъ велѣлъ запереть двери и отрубилъ голову одному изъ пробравшихся заговорщиковъ. Самъ Лжедмитрій, выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, выскочилъ къ толпѣ и закричалъ: «я вамъ не—Годуновъ».

Но въ него стали стрѣлять. Онъ бросился предупредить Марину и хотѣлъ по лѣстницѣ у Воскресенія Славущаго бѣжать внизъ, но путь былъ занятъ врагами. Тогда онъ выскочилъ изъ окна на деревянные подмостки и хотѣлъ перешагнуть на другіе, но оступился и упалъ съ высоты 15 аршинъ, вывихнулъ себѣ

погу и разбилъ грудь. Стрѣльцы привели его въ чувство, перенесли сперва къ дому Годунова, а затѣмъ во дворецъ и стали было выстрѣлами защищать его отъ народа. Но когда имъ объявили, что пожгутъ ихъ дома и побьютъ ихъ семьи, и что ца-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

рица-инокиня говорить, что это—обманщикъ, а ея сынъ убить въ Угличѣ, защитники повинули самозванца, и толпа съ криками бросилась на него. Сынъ боярскій Григорій Валуевъ выстрѣлилъ въ Лжедмитрія, другіе добили его и бросили трупъ

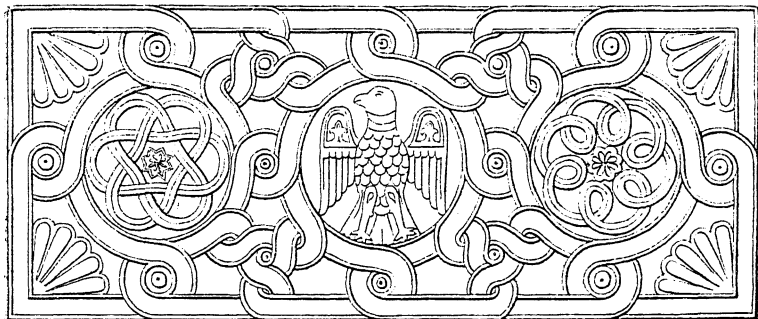
съ крыльца на тѣло убитаго Басманова. Оттуда чернь поволокла оба трупа на Лобное мѣсто, гдѣ самозванецъ былъ положенъ на столѣ съ маской, дудкой и волюнкой, а Басмановъ — у ногъ его, на скамейкѣ. Черезъ три дня Басмановъ былъ похороненъ у Николы Мокраго, а трупъ самозванца свезли за Таганскія ворота и бросили въ яму убогаго дома, гдѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ построенъ Покровскій монастырь.

Такимъ образомъ кончился второй актъ смуты, если за первый считать гибель Годуновыхъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій, провозглашенный въ Москвѣ царемъ, не обладалъ силами, необходимыми для подавленія смуты. Престарѣлый, вдовый, бездѣтный, обладавшій умомъ, годнымъ для царедворца или министра, онъ совсѣмъ лишенъ былъ тѣхъ качествъ, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династїи, въ такое тяжелое время. Напротивъ того, въ немъ было немало такого, что дѣлало его положеніе на престолѣ шаткимъ, колеблющимся. Избранный только Москвою, а не всею Русью, онъ въ глазахъ народныхъ былъ запятнанъ ложью, будто царевичъ Дмитрій самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Но лишенный нравственнаго довѣрія, онъ не обладалъ всей силой и полнотой власти, къ коей привыкъ народъ и которую онъ ставилъ выше всего. Онъ не былъ самодержецъ, а былъ только, по выраженію современниковъ, полуцарь, потому что далъ боярамъ обязательство и клятву въ Успенскомъ соборѣ — не рѣшать ничего важнаго безъ ихъ согласія, по крайней мѣрѣ, въ судебныхъ дѣлахъ. Каждое дѣйствіе Василя, хотя бы оно и было вполнѣ самостоятельнымъ, представлялось народу внушеннымъ Шуйскому не его царскою совѣстью и чувствомъ долга предъ Богомъ и государствомъ, а дѣломъ невольнаго соглашенія съ думой боярской.

Совершенно естественно, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Лжедмитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василя Ивановича, и въ его личности, и въ самой его умаленной власти.

2.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго. — Новыя проявленія смуты и Лжедмитрій II. Тушинскій лагерь. — Осада Троицкой Лавры. — Скопинъ-Шуйскій. — Низложеніе Василія Іоанновича. — Присяга Москвы королевичу Владиславу, занятіе ея Жолѣвскимъ и отправленіе великаго посольства къ Сигизмунду III подъ Смоленскъ. — Патріархъ Гермогенъ и его грамоты. — Ополченія 25 городовъ подъ Москвою и гибель Прокопія Ляпунова. — Самая лютая пора лихолѣтя. — Троицкія грамоты. Преподобный Діонисій, Мининъ и князь Пожарскій. — Освобожденіе Москвы и конецъ смутнаго времени.

Въ 1606 году провозглашенъ былъ народомъ въ Москвѣ царемъ виновникъ сверженія Лжедмитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ сравненіи съ Борисомъ Годуновымъ, онъ имѣлъ менѣе данныхъ, чтобы упрочиться со своимъ родомъ на престолѣ.

Если на Годуновыхъ лежало тяжкое обвиненіе въ убіеніи престолонаслѣдника царевича Дмитрія, то Борисъ Годуновъ обладалъ многими привлекательными качествами: былъ весьма уменъ, щедръ, твердъ, красивъ и обладалъ полнотою самодержавной власти. Но въ 8 лѣтъ, прошедшихъ съ его избранія до смерти Лжедмитрія I, смута уже многое распатала, и отъ новаго носителя Верховной власти, преемника Бориса, чтобы удерживать на своихъ плечахъ тяжелыя бармы Мономаховы, требовалась теперь новая особая сила, особая крѣпость, а ихъ-то и не доставало Василю Ивановичу Шуйскому: у него замѣчался, какъ мы знаемъ, недочетъ во многихъ качествахъ, необходимыхъ для правителя и въ болѣе спокойное время.

Чтобы прекратить дальнѣйшее появленіе новыхъ Лжедмитріевъ, Василій Ивановичъ съ особой торжественностью переносить изъ Углича въ Архангельскій соборъ мощи царевича Дмитрія и громко говорить, что онъ былъ убитъ людьми Годунова, въ разрывъ съ тѣмъ, что еще недавно свидѣтельствовали самъ о смерти его въ Угличѣ.

Время прежней смуты уже накопило и людей безсовѣстныхъ, и людей легкомысленныхъ. Въ Москвѣ злонамѣренно, а многіе наивно говорили, что и названный Дмитрій не былъ убитъ, а спасся; вмѣсто же него выставили на Красной площади трупъ какого-то нѣмца и намѣренно закрывали лицо его маской.

Одинъ изъ приверженцевъ самозванца Молчановъ, бѣжавшій въ Польшу, сталъ распускать даже молву, будто именно онъ спасшійся царь Дмитрій. Недовольные Шуйскимъ во вредъ ему поддерживали эту молву. Путивльскій воевода князь Григорій Шаховской поднялъ противъ Шуйскаго возстаніе въ Сѣверской Украинѣ, во имя этого мнимо спасеннаго царя. Къ нему прибылъ изъ Польши отъ Молчанова бѣглый, но способный холопъ Иванъ Болотниковъ и сталъ руководить смутой. Запелвелились казаки донскіе и запорожскіе. Боярскій сынъ Пашковъ поднялъ противъ Шуйскаго Тулу, а Прокопій Ляпуновъ и воевода Сумбуловъ рязанскую область. Возстаніе стало разрастаться. Болотниковъ, поддержанный рязанцами и туляками, двинулся къ Москвѣ и, разбивъ царскихъ воеводъ, остановился въ селѣ Коломенскомъ. По счастью для стѣсненнаго полуцаря Болотниковъ скоро и слишкомъ ясно для всѣхъ обнаружилъ свою смутьянскую, анархическую суть: онъ сталъ разсылать къ московской черни, къ подонкамъ населенія, воззванія, чтобы она избивала бояръ и ихъ семьи, а также и торговыхъ людей, чтобы подѣлить межъ собою ихъ собственность. Рязанскіе и тульскіе дворяне поняли, что имъ нельзя дѣйствовать за одно съ такимъ смутьяномъ, какъ Болотниковъ, и отшатнулись отъ него. Прокопій Ляпуновъ и Сумбуловъ принесли повинную царю. Его даровитый племянникъ кн. Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова у Данилова монастыря. Но это не вразумило князя Шаховскаго, который съ Болотниковымъ и самозванцемъ Петромъ (мнимымъ сыномъ Θεодора Іоанновича) ушелъ въ Тулу. Василій Ивановичъ показалъ теперь энергію: собралъ стотысячное войско и двинулся къ Тулѣ, гдѣ засѣли мятежники.

Ихъ положеніе было тяжкимъ особенно потому, что Молчановъ отказался играть роль Дмитрія, а русскихъ людей нельзя было удерживать въ возстаніи даже противъ нелюбимаго Шуйскаго во имя анархическихъ вождедѣній Болотникова или крамольныхъ видовъ кн. Шаховскаго. Нужно было опять это политическое воровство, это народное смутянство прикрывать именемъ царя—Дмитрія. И вотъ сидѣвшіе въ Тулѣ мятежники отправляютъ въ Польшу посланіе, чтобы оттуда непременно прислали имъ названнаго Дмитрія. Самозванецъ появился въ Стародубѣ. Это былъ какой-то проходимецъ, непохожій даже по наружности на перваго самозванца; онъ въ началѣ выдавалъ себя за родственника царевича Дмитрія—боярина Нагого. Но въ Стародубѣ объявилъ себя вторично спасшимся Димитріемъ и отсюда сталъ

Князь Скопинъ-Шуйскій.

разсылать грамоты о себѣ. Между тѣмъ Тула сдалась Василию Ивановичу, потому что запрудили рѣку и ею затопили городъ. Болотниковъ молилъ о помилованіи, но былъ казненъ; Лже-Петра утопили, а Григорія Шаховскаго отправили въ заточеніе.

Напрасно Шуйскій праздновалъ въ Москвѣ взятіе Тулы, какъ полное торжество надъ крамолой: грамоты кромѣ сѣверскихъ смутяновъ привлекли къ самозванцу донскихъ и запорожскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго; къ нему стали приходять съ разныхъ сторонъ русскіе люди; многіе вѣрили въ дѣй-

ствительность названнаго Димитрія: другіе развращенные думали только при его помощи половить рыбки въ мутной водѣ. Стали приходить къ нему и польскіе шляхтичи подъ начальствомъ искателей приключеній пановъ Сапѣги, Лисовскаго и Рожинскаго. Полчища самозванца разбили подъ Болховомъ московскія войска, бывшія подъ начальствомъ царскаго брата князя Димитрія Шуйскаго, подошли къ Москвѣ и расположились въ 12 верстахъ отъ нея станомъ въ Тушинѣ. Сюда была привезена и Марина Мнишекъ, захваченная на дорогѣ въ Польшу, и имѣла безстыдство признать новаго самозванца за перваго своего мужа.

Получарь Василій Шуйскій не имѣлъ ни внутреннихъ, ни вѣншнихъ силъ однимъ ударомъ разметать гнѣздо смуты въ Тушинѣ и остановить разраставшееся броженіе на Руси. Многіе города приняли сторону лжецаря; Тушино разрослось въ цѣлый городъ. И вотъ между Москвой и столицей смуты началась борьба, сильная не военными стычками на рѣчкахъ Ходынкѣ и Выходнѣ, а возрастающимъ разложеніемъ государственнаго духа на Руси, усиленіемъ въ ней смуты. Она колебала почву подъ Василюмъ Шуйскимъ въ самой Москвѣ, и здѣсь развилась, какъ говорятъ лѣтописи того времени, «шатость» въ умахъ и сердцахъ, выражавшаяся тѣмъ, что многіе москвичи измѣняли Василю и ради наградъ уходили въ Тушино, а чтобы получить новыя награды въ Москвѣ, являлись сюда въ видѣ людей раскаявшихся. Такіе люди назывались «перелетами». Даже въ одной и той же семьѣ сходились за ужиномъ приверженцы Москвы и Тушина, а на утро расходились въ разныя стороны.

Въ такое шаткое и ненадежное время для Василя Ивановича твердыми опорами его являлись обитель Преподобнаго Сергія — Троицкая лавра, патріархъ Гермогенъ и молодой князь Михайлъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Иноки Сергіевы открыто заявляли себя противъ самозванца; противъ тушинскаго вора стоялъ и святѣйшій патріархъ, а это удерживало многіе города отъ присоединенія къ Тушину.

На эти-то три опоры и были направлены разрушительныя дѣйствія смуты: поляки вмѣстѣ съ казаками, подъ предводительствомъ пановъ Лисовскаго и Сапѣги, въ количествѣ 30 тысячъ, осадили Троицкую Лавру не для того только, чтобы завладѣть ея богатствами, но чтобы сокрушить этотъ оплотъ Русскаго царства. Но иноки Преподобнаго Сергія съ немногими ратными людьми, одушевляемые святымъ основателемъ ихъ обители, яв-

лявшимя и на стѣнахъ ея, и на поляхъ битвъ, геройски защищали эту твердыню Святой Руси въ теченіе 16 мѣсяцевъ и сохранили ее невредимой для болѣе критическаго времени въ отечествѣ.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ.

Патріархъ Гермогенъ, какъ величайшій изъ патріотовъ, горячо поддерживалъ царя и удерживалъ колебавшихся отъ соединенія съ тушинскимъ воромъ. Ему обязана Москва подавленіемъ мятежа, поднятаго Захаромъ Ляпуновымъ. Этотъ послѣдній подбилъ народъ требовать, чтобы патріархъ принялъ участіе въ низложеніи Василя Ивановича съ престола, такъ какъ онъ былъ провозглашенъ царемъ безъ участія другихъ городовъ. Гермогенъ сказалъ, что «до сего времени ни Тверь, ни Новгородъ, ни Псковъ, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва

всѣмъ имъ указывала», и не благословилъ крамольнаго дѣла. Василий Ивановичъ заявилъ смутьянамъ, что онъ не покинетъ престола и умретъ царемъ; тогда они бѣжали въ Тушино.

Отраднымъ и свѣтлымъ явленіемъ въ это тяжелое, темное время былъ также племянникъ царя—молодой, но доблестный князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, на которомъ почтили народныя надежды. Онъ посланъ былъ царемъ на сѣверъ, чтобы отвлечь тамошніе города отъ самозванца и заключить союзъ съ шведскимъ королемъ ради помощи противъ смутьяновъ и поляковъ, кои поддерживали самозванца и въ то же время были во враждѣ со шведами. Быстро и счастливо исполнилъ Скопинъ возложенную на него задачу и съ пяти тысячнымъ отрядомъ шве-

Защита Троицкой лавры отъ поляковъ.

довъ, подъ начальствомъ Делагарди, двинулся на Москву, очищая города отъ тушинцевъ, которымъ нанесъ поражение подъ Тверью, а Салтѣгъ подъ Калязинымъ монастыремъ. Троицкая лавра уже была свободна отъ осады, а скоро и тушинскій лагерь распался.

Дѣло въ томъ, что король польскій Сигизмундъ III, раздраженный союзомъ нашимъ съ враждебной ему Швеціей, началъ войну съ Россіей и съ большимъ войскомъ двинулся на Смоленскъ. Эта новая бѣда принесла на время пользу Москвѣ. Когда король потребовалъ отъ смольнянъ сдачи, они отвѣчали, что положили обѣтъ умереть за вѣру и царя, но отнюдь не кланяться польскому королю; онъ сообразилъ, что наличныхъ силъ для

взятія города недостаточно, и потребовалъ къ себѣ поляковъ изъ Тушина. Понимая, что безъ нихъ нечего стоять подѣ Москвою, самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а служилые люди съ Михаиломъ Салтыковымъ во главѣ, шедшіе противъ царя Василія, рѣшились избрать въ цари польскаго королевича Владислава. Правда, они въ своемъ договорѣ требовали, чтобы онъ не трогалъ ни вѣры православной, ни русской народности, но они умалили власть царскую для Владислава, ограничивая ее земскимъ соборомъ и боярской думой, уже не въ судебныхъ только дѣлахъ, а въ общегосударственныхъ. Эти люди и послѣ будутъ на сторонѣ поляковъ и ихъ политическаго строя.

Но какъ бы ни было опасно нашествіе поляковъ, вступленіе Скопина-Шуйскаго въ Москву было великимъ торжествомъ царя и народа, подававшимъ надежду, что смута и польское нашествіе потерпятъ полное крушеніе, а Россія выйдетъ на путь спокойствія и независимости, по крайней мѣрѣ, подѣ властью Скопина-Шуйскаго, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть будущаго царя. Но

Смирный: Ермогенъ Патри
архъ.

Подпись патріарха Гермогена.

Богъ не судилъ Шуйскимъ, какъ и Годуновымъ, основать въ Россіи новую династію, новый царствующій домъ. Делагарди торопиль князя Скопина идти въ походъ на поляковъ, но онъ неожиданно скончался, заболѣвъ кровотеченіемъ на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго. Коварные люди стали распускать молву, будто почившему подано отравленное вино отъ жены Димитрія Шуйскаго, рассчитывавшаго по смерти бездѣтнаго Василія сдѣлаться его преемникомъ на царствѣ. Этотъ Димитрій Шуйскій пошелъ на поляковъ, но былъ разбитъ при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, который двинулся на Москву, провозглашая царемъ королевича Владислава.

Эти два обстоятельства дали новую силу внутреннимъ врагамъ Василія; братья Ляпуновы, Голицыны и другіе подбили народъ, вопреки патріарху Гермогену, просить Василія Ивановича сойти съ престола, потому что родъ его несчастенъ. Полу-

царь, не видя себѣ поддержки, уступилъ и переѣхалъ въ свой боярскій домъ на Арбатѣ, но скоро былъ насильственно постриженъ въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ, чтобы онъ не могъ возвратиться на престолъ.

Съ 19 іюня 1610 г. наступило на Руси самое страшное время междоусобицы. Правленіе перешло въ руки думы изъ семи бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Но самое названіе пародомъ этого правительства семибоярщиной указываетъ на то, что оно не пользовалось довѣріемъ и было только временное. Всѣмъ было ясно, что необходимо вручить скорѣе власть единому царю. Но кто долженъ быть царемъ?—Этотъ вопросъ раздѣлилъ всѣхъ Мстиславскій и высшіе бояре требовали, чтобы царя призвали со стороны изъ иноземнаго владѣльческаго рода. Патріархъ настаивалъ на избраніи русскаго—изъ своихъ бояръ, напр. боярина Михаила Ѳеодоровича Романова или князя Василия Голицына. Чернь и Захаръ Ляпуновъ желали отдать власть самозванцу, уже стоявшему въ Коломнѣ. Жолкѣвскій, дошедшій до Можайска, требовалъ, чтобы Москва признала царемъ королевича Владислава на тѣхъ условіяхъ, которыя были предложены Салтыковымъ и другими служилыми людьми.

Боярская дума, когда стало извѣстно, что Захаръ Ляпуновъ и его сторонники хотятъ впустить въ Москву самозванца, сильно наклонилась въ сторону избранія королевича Владислава, сама позвала изъ Можайска Жолкѣвскаго и у Дѣвичьяго монастыря начала переговоры, которые быстро пришли къ концу. Всѣ предложенныя боярами условія избранія Владислава царемъ были приняты. Только то, чтобы Владиславъ принялъ православіе до прибытія въ Москву, отдали на рѣшеніе Сигизмунду. Жолкѣвскій отозвалъ опять поляковъ отъ самозванца, и онъ ушелъ снова въ Калугу. Чуткое сердце патріарха Гермогена было противъ избранія иноземца, но не какъ иноземца (первые князья наши тоже были иноземцами), главное, нельзя было быть увѣреннымъ, что Россія при помощи королевича не будетъ поработена Польшей и латинствомъ, подобно Западной Руси, тѣмъ болѣе, что отецъ Владислава Сигизмундъ III былъ фанатическимъ католикомъ. Но мнѣніе патріарха не взяло верха надъ рѣшеніемъ бояръ, и Москва присягнула Владиславу, какъ царю.

Хитрый Жолкѣвскій торопилъ бояръ отправить къ польскому королю великое посольство и уговорилъ включить въ него

выдающихся лицъ—Филарета Никитича и князя Голицына: потому что первый былъ отцомъ очень вѣроятнаго кандидата на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, а второго уже многіе прочили въ цари. Къ посольству присоединили большую свиту, въ количествѣ 1266 человекъ. Такъ какъ чернь московская волновалась въ пользу самозванца, то бояре сами предложили полякамъ вступить въ Москву и занять Кремль, о чемъ Жолкѣвскій ранѣе получилъ тайный приказъ отъ Сигизмунда. Онъ искусно держалъ себя здѣсь, не позволяя полякамъ обижать москвичей, и всячески заискивалъ въ патріархѣ. Но, зная, что скоро обнаружатся намѣренія Сигизмунда подчинить своей власти Россію и присоединить ее къ Польшѣ, поспѣшилъ отсюда къ королю, сдалъ Москву пану Гонсѣвскому, захвативъ съ собою пострѣженнаго Василя Ивановича Шуйскаго и его братьевъ.

Между тѣмъ, послы подъ Смоленскомъ, въ особенности Филаретъ Никитичъ, были недовольны, что поляки уклончиво говорили не только о принятіи православія Владиславомъ, но и о самомъ его отпускѣ въ Москву, указывая на то, что прежде самъ Сигизмундъ долженъ успокоить Русь, и требовали, чтобы тѣ приказали смольнянамъ сдаться королю. Послы отказывались отъ этого и отвѣчали, что Господь Богъ и московскіе люди не простятъ имъ этого и земля ихъ не понесетъ, и послали по этому предмету запросъ въ Москву.

Здѣсь же бояре, въ особенности Салтыковъ, сильно клонили къ полной уступчивости Сигизмунду и даже написали грамоту, что отдаются на его волю. лишь бы онъ прислалъ имъ своего сына, но доблестный патріархъ Гермогенъ сказалъ полякующимъ москвичамъ: «пусть король дастъ сына своего на московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишите такъ въ грамотѣ, то я приложу къ ней руку и васъ благословляю на то же; а чтобы положиться на королевскую волю, я и самъ такъ не поступлю и другимъ повелѣваю такъ не дѣлать. Если же меня не послушаете, наложу на васъ клятву. Ясно, что послѣ такой грамоты намъ придется цѣловать крестъ королю... Если королевичъ у насъ воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ отъ насъ не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ, кто уже крестъ ему цѣловали, благословляю идти на Москву и страдать до смерти!» Раздраженный Салтыковъ замахнулся на патріарха ножомъ. «Не боюсь я твоего ножа, ска-

заль патріархъ, я вооружусь противъ него силою святого креста. Ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семь вѣкъ и въ будущемъ». Гермогенъ и въ грамотѣ, и въ проповѣдяхъ въ Успенскомъ соборѣ говоритъ народу, чтобы онъ твердо стоялъ за вѣру православную, не поддаваясь измѣнникамъ и полякамъ. Круто измѣнились отношенія поляковъ къ патріарху, москвичамъ и всеѣмъ русскимъ людямъ: они сняли съ себя маску; но у русскихъ въ это время развязались руки, потому что самозванецъ былъ убитъ крещенымъ татаринномъ Урусомъ.

Примѣръ и слова патріарха вызвали въ разныхъ городахъ движенія противъ поляковъ. Въ рязанской землѣ Прокопій Ляпуновъ сталъ призывать населеніе своей и другихъ областей биться съ поляками и литовцами на смерть. Народъ, невооруженный еще, какъ слѣдуетъ, уже сталъ двигаться къ Москвѣ. Патріархъ давалъ приходившимъ къ нему благословеніе на борьбу. Когда пришла боярская грамота къ русскимъ посламъ подъ Смоленскъ, съ приказомъ поступать имъ во всемъ по волѣ Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ сказалъ: «такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя; писаны онѣ безъ воли патріарха», а князь Голицынъ заявилъ, «что, когда мы стали безъ государя, патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ». Дворяне, находившіеся въ посольствѣ подъ Смоленскомъ, въ грамотѣ своей писали въ Москву, чтобы не надѣялись, что королевичъ воцарится въ Москвѣ, но что поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. «Ради Бога, писали русскіе люди, положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ и свой совѣтъ напишите, чтобы всеѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покаместъ мы еще свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ». Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ, а къ ней была приложена московская грамота, писанная съ благословенія патріарха Гермогена. Въ ней былъ призывъ ко всеѣмъ единодушно возстать на враговъ православія, выручить Москву изъ бѣды. «Здѣсь (въ Москвѣ), говорилось въ грамотѣ: образъ Божіей Матери, Заступницы христіанской, которую Евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы». Такія грамоты разсылались по разнымъ городамъ и всюду

стали устраиваться ополченія противъ поляковъ. Раньше двинулся съ рязанскими дружинами Прокошій Липуновъ, къ нему стали примыкать ополченія другихъ 25 городовъ.

Поляки, давно уже обижавшіе москвичей и притѣснявшіе самого патріарха, всполошились. Салтыковъ, по приказу польскаго начальника Гонсѣвскаго, приступилъ снова къ Гермогену и сталъ говорить: «это ты по городамъ посылаешь грамоты, ты приказывалъ всѣмъ собираться, да идти на Москву; отпиши имъ, чтобъ не ходили». Доблестный первосвятитель говоритъ: «если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись». Самъ Гонсѣвскій грозно сказалъ: «ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!» Но патріархъ оставался непреклоненъ и твердъ и былъ готовъ на мученичество за вѣру и отечество.

Но мѣръ того, какъ росла въ Москвѣ дерзость и жестокость поляковъ, росло противъ нихъ сперва недовольство, а затѣмъ и ожесточеніе народа. Напрасно пришельцы сулили русскимъ свою польскую вольность, которая у нихъ выражалась въ ограниченіи государевой власти сеймомъ и сенатомъ, въ правѣ шляхты составлять вооруженные союзы (конфедераціи) противъ правительства. «Вамъ дорога ваша вольность, а намъ наша неволя. Вѣдь, у васъ—не воля, а своеволие: сильный грабитъ слабаго; можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго..., ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу... Какъ Богъ, караетъ онъ и мплетъ. Намъ легче перенести обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата: ибо Царь—владыка всего свѣта». Москвичи стали громко говорить, чтобъ поляки позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались изъ Москвы по добру—по здорову. «Россія—не такая нечѣста, чтобъ ей не пайти жениха получше».

Поляки били москвичей, грабили ихъ и церкви, не удерживались даже отъ кощунства надъ святынями, отъ поруганья ихъ. Одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону, стоящую надъ воротами Никольской башни. Чтобы отвратить народную грозу, самъ Гонсѣвскій велѣлъ казнить дерзкаго соотчика... Незамѣтно приливали въ Москву небольшіе отряды ополченцевъ и потайно вступали въ ея слободы Земляного города и даже въ Бѣлый городъ. Прибыль сюда

въ свой домъ на Лубянкѣ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Поляки съ безпокойствомъ разставляли вездѣ караулы, втаскивали на стѣны Китай-города и Кремля пушки.

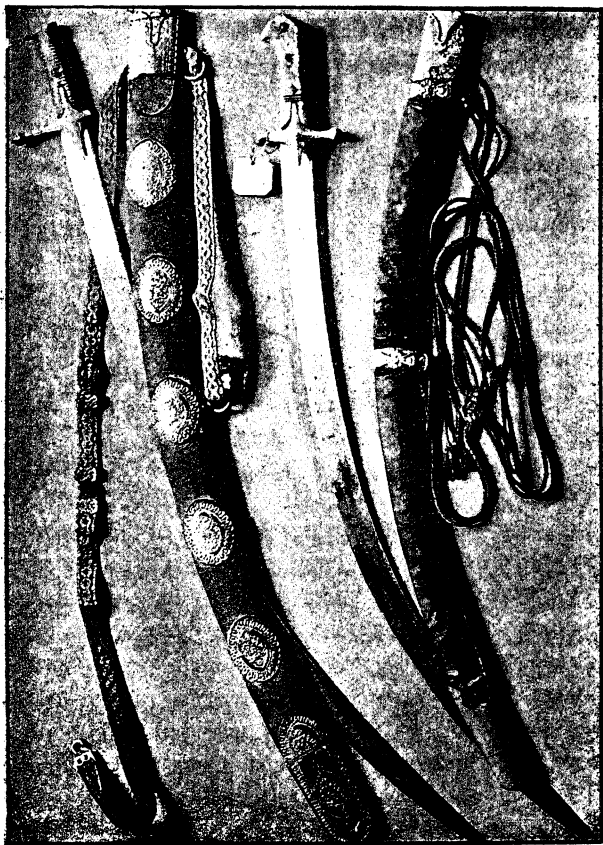
Подходила Страстная недѣля 1611 года. Чуявшій бѣду Гонсевскій было отмѣнилъ патріаршій крестный ходъ въ вербное воскресенье, но, видя раздраженіе народное, опять разрѣшилъ его. Москвичи мрачные и въ небольшомъ количествѣ собрались на это торжество. Скоро въ святые дни Москвѣ пришлось омыться кровію неповинной и очиститься огнемъ пожарнымъ. Съ великаго понедѣльника на нашей Красной площади скопилось много воезовъ съ дровами. Поляки гнали извозчиковъ втаскивать на кремлевскія стѣны пушки, тѣ не слушались, а кто пошелъ, сбрасывали пушки со стѣнъ. Поляки стали бить извозчиковъ, а тѣ сдавали сдачу. Поднялся страшный шумъ. Гонсевскій приказалъ гнать народъ изъ Китай-города. Польскіе жолнеры и вооруженные нѣмецкіе отряды бросились на безоружныхъ, стрѣляли въ нихъ и рубили саблями. Кровь полилась рѣкой. Покраснѣла отъ нея Красная площадь и прилежащія улицы; облились кровью русской иноземцы, а русскіе усыпали своими тѣлами большія пространства. Но уже по всей Москвѣ страшно звучалъ набатъ. Китай-городъ былъ очищенъ отъ русскихъ. Но зато Бѣлый городъ весь уже поднялся на смертную борьбу съ поляками... Съ трудомъ пробрались сюда поляки, но были встрѣчены здѣсь ожесточеннымъ отпоромъ. Князь Пожарскій изъ дома своего громилъ поляковъ изъ пушекъ. Отступая отсюда за стѣны, поляки, по примѣру проклятаго патріархомъ Салтыкова, зажгли Москву и Замоскворѣчье.

Страшно горѣла Москва въ теченіе многихъ дней. Подобный пожаръ она вынесла въ 1812 году. Но въ дыму тогдашняго пожара улетаала послѣдняя терпимость къ полякамъ и измѣнникамъ, сгорала и внутренняя смута.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ къ Москвѣ подошелъ Прокопій Ляпуновъ и расположился станомъ у Симонова монастыря. Скоро подошли Заруцкій съ казаками и князь Трубецкой съ калужанами, прежніе приверженцы самозванца. Русскіе заняли пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить поляковъ.

Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ прислали отъ Троицы грамоты воеводамъ, убѣждая ихъ именемъ вѣры и любви къ отечеству освободить его отъ чужеземныхъ враговъ и отъ русскихъ предателей. Русскіе измѣнники и Гон-

Сѣвскій опять приступили къ патриарху и требовали: «напиши Ляпунову и товарищамъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь лютою смертию». Гермогенъ отвѣчалъ: «вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду». Патриарха держали въ тѣсномъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ.

Сабли князя Пожарскаго и Минина *).

Вмѣсто боярской думы, не имѣвшей у Гонсѣвскаго никакого значенія, вожди ополченій составили изъ себя новое правительство. Но въ средѣ этого правительства не было внутренняго единства и той нравственной чистоты, какія необходимы для совершенія великаго и святого дѣла. Теперь Ляпуновъ одушевленъ былъ патриотическимъ духомъ Гермогена. Но его товарищи еще ды-

---

*) Хранятся въ Оружейной палатѣ.

шали крамолой: Заруцкій и Трубецкой желали продолженія смуты и со своими полчищами грабили русскихъ. Попытки Ляпунова сдержать ихъ и водворить добрый порядокъ въ казачестве только разжигали ненависть къ честному и энергическому предводителю. Коварный Гонимовскій воспользовался этимъ: подбросилъ въ станъ казацкій грамоту отъ имени Ляпунова, искусно подписанную его почеркомъ, чтобы русскимъ людямъ убивать казаковъ. Тѣ составили кругъ, призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями. Рухнула съ этимъ поборникомъ за православіе и отечество еще одна опора Россіи, и ополченія городовъ разошлись по домамъ. Скоро послѣ 20-мѣсячной геройской защиты Смоленскъ былъ взятъ поляками; наше посольство съ митрополитомъ Филаретомъ, княземъ Голицынымъ и бывшимъ царемъ Василиемъ Шуйскимъ отправлено было въ глубь Польши въ заточеніе. Шведы, не желая уступить Польшѣ всю Россію, занявъ теченіе Невы, отъ Орѣшка до нынѣшняго Петербурга, захватили Новгородъ и требовали, чтобы русскіе или объявили своимъ царемъ шведскаго принца Густава Адольфа или его брата, или же признали свои владѣнія страной, покоренной шведами. Русскіе крамольные люди еще думали найти себѣ правителя изъ своихъ: Заруцкій, напр., въ сынѣ Марилы Мишиекъ и второго самозванца и т. д. Но съ царьками нечего было вести борьбу съ такими державами, какъ Польша и Швеція. Очевидно, все слагалось такъ, что Россія подпадетъ въ большей своей части подъ власть короля польскаго, какъ подпала западная и юго-западная Русь, и окатоличится и ополячится; другая часть сдѣлается добычей шведовъ и утратитъ свое православіе и народность въ пользу лютеранства и пѣмечины.

Такимъ образомъ, въ 1612 году, наступило самое тяжкое время для нашего отечества. Страшенъ былъ 1812 годъ, когда Наполеонъ I съ военными силами 20 народовъ запада вторгся въ Россію. Но тогда у насъ былъ царь, войско, казна и много еще перазоренныхъ врагомъ областей. Не то было въ 1612 году. «И было тогда, говорить современное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтjemъ.... Великій гнѣвъ Божій на людяхъ—глады, моры, язбелы на всякой плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей, и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все Московское го-

сударство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнувъ все благолѣпіе Русской земли».

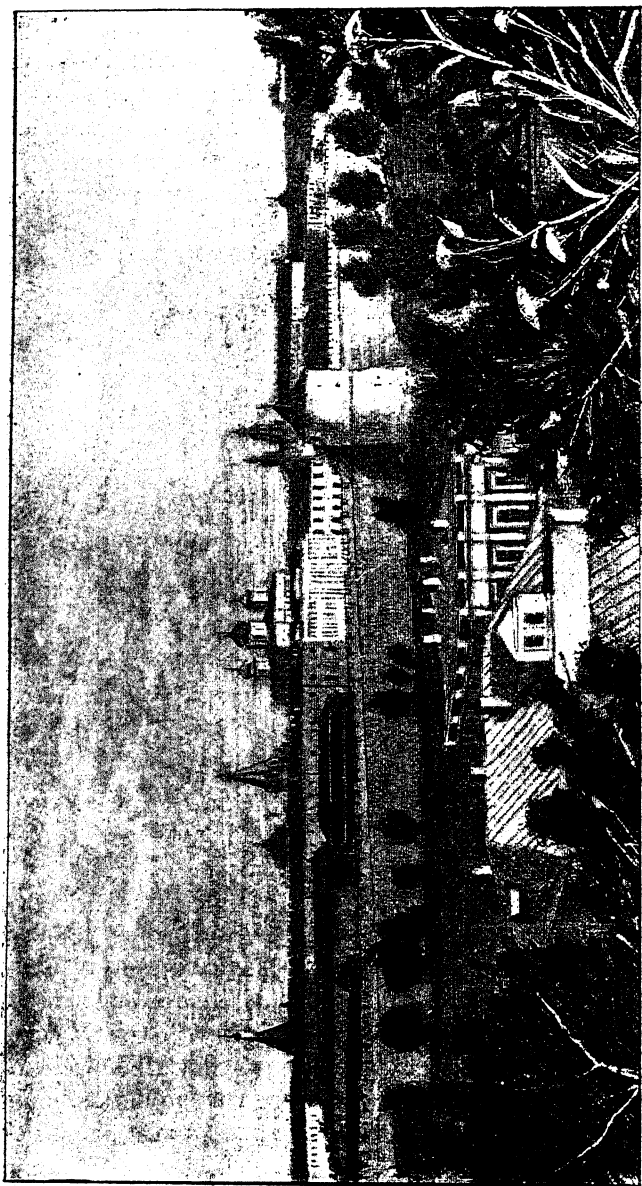
Въ малой картинѣ въ Троицкой лаврѣ представлялась ужасная гибель Руси: по дорогамъ къ обители Преподобнаго Сергія тянулись русскіе люди; на нихъ было страшно взглянуть; они были истомлены голодомъ и болѣзнями; шли израненные: у однихъ были руки отсѣчены, у другихъ глаза были вырваны изъ глазницъ, у третьихъ ремни изъ кожи были выкроены. Шли они къ Троицѣ не для того, чтобы утолить свой голодъ или вылѣ-

Преподобный Діонисій.

читься. Цѣтъ, русскіе люди умѣютъ безропотно умирать. Но для нихъ тяжело кончать жизнь безъ церковнаго напутствія и жутко остаться безъ христіанскаго погребенія. И вотъ они шли въ Троицкую лавру за могилой и крестомъ. Этимъ сотнямъ и тысячамъ приходившихъ сюда людей могли ли ученики Преподобнаго Сергія отказать въ пищѣ, одеждѣ и лѣченіи. Они помогали всѣмъ, чѣмъ могли, обративъ лавру въ столовую для голодающихъ и больницы для недужныхъ, напутствовали св. тайнами умирающихъ, хоронили окончившихъ жизнь. Это неудивительно. Но вотъ что является поразительнымъ, какъ иноки Сергіевой лавры, видя

такое страшное погребальное шествіе русскаго народа, не уга-
сили въ себѣ въ эти дни, мрачные дни ужасовъ, надежды

Кремль въ Нижнемъ Новгородѣ.

и вѣры въ возможность спасенія отечества, погибавшаго без-

возвратно. Нѣтъ, у нихъ свѣща вѣры и надежды не погасла и свѣтомъ своимъ озарила и оживила погибавшую Русь. Когда голосъ патріарха Гермогена умолъкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ послѣдній надежный защитникъ Руси, Прокопій Ляпуновъ, смиренный настоятель обители Преподобнаго Сергія св. Діонисій беретъ на себя государственную задачу призвать русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и измѣнниками. Онъ поса-

Патріархъ Гермогенъ и поляки въ подземельѣ Чудова монастыря.

дѣлъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ писать грамоты, въ которыхъ именемъ Пресвятой Троицы и Преподобнаго Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества, молилъ служилыхъ и всѣхъ прочихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. «Помяните и смилюйтесь надъ видимою общемою смертною погибелю», говорили эти грамоты. «Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ, на сходы къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время; безвременное же начинаніе суетно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ

предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока ко врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе». Монахи, садясь на коней, развозили эти поразительно трогательныя грамоты обители Преподобнаго Сергія; онѣ всюду съ горячимъ и глубочайшимъ сочувствіемъ чи-

Во время междоусобствъ Россіи угрожали враги внутренніе и внешніе. Но такое бѣдственное положеніе страны послужило къ поднятію всенароднаго дѣла. Възвѣщанію нежестиваго Кривого и Троицкія грамоты Діонисія и Яврослава Палицына наши откликнѣ.

Успѣвъшею подѣ знаменна князя Пожарскаго, по призывѣ Козьмы Минина народное ополченіе спасло Русь отъ враговъ, а избраніе царемъ Михаила Федоровича Романова положило конецъ смутѣ на Руси.

Князь Пожарскій и Козьма Мининъ. По В. В. Верещагину.

тались въ храмахъ и поднимали пошкнупшій духъ народа на святое дѣло смертной борьбы за вѣру и отечество.

Особенно яркій и сильный подъемъ патріотическаго одушевленія вызвали онѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ концѣ 1611 года привезена была такая грамота отъ Троицы въ эту столицу Поволжья. Въ неспраздничный день зазвонили въ соборѣ въ большіе колокола, собрался народъ, и послѣ обѣдни протопопъ Сав-

ва прочиталъ троицкую грамоту, сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призывалъ всѣхъ постоять за чистую и непорочную Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ умиленіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ и рѣшился отдать все до послѣдней каули крови.

Когда всѣ выходили изъ Божьяго храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью торговаго чело-вѣка Козьмы Захаровича Минина; онъ говорилъ: «православные! Если хотимъ помочь Московскому государству, не пожа-

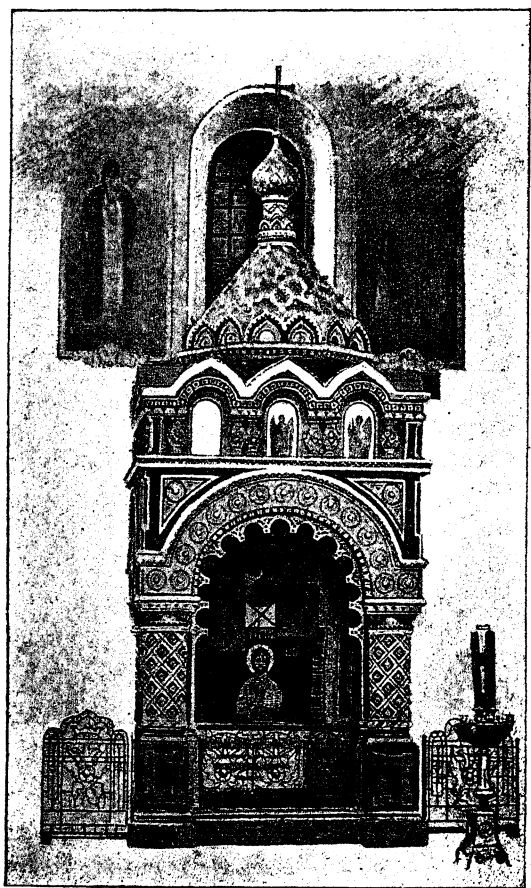

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой.

лѣемъ ничего: дворы и дома свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся, другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ».

Благодатной рѣкой тутъ же полились пожертвованія и отъ бѣдныхъ, и отъ богатыхъ. Одни отдавали все свое имущество, другіе половину или треть. Женщины снимали съ себя кольца и серьги и отдавали Минину. Нищіе отдавали послѣднія копѣйки.

Нижегородцы отправили посольство къ лѣчившемуся отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ отъ поляковъ, въ помѣстьи суздальскаго уѣзда, князю Д. М. Пожарскому, просить его въ начальники народнаго ополченія. Онъ отвѣчалъ, что радъ за православную вѣру страдать до смерти, посовѣтовалъ для завѣды-

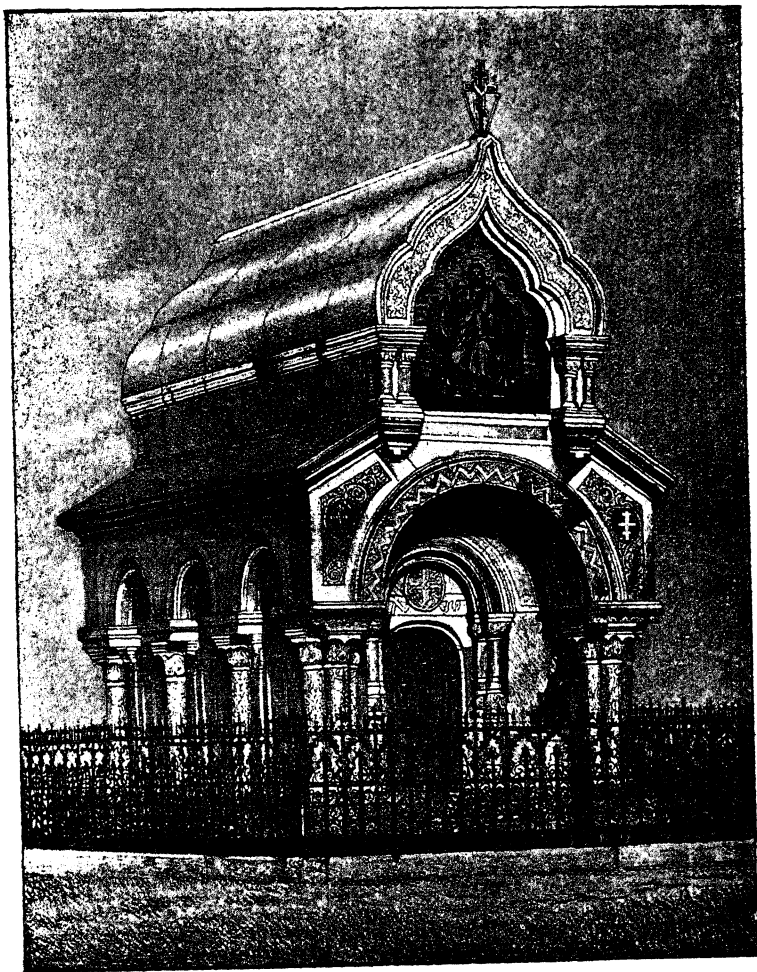

Гробница Минина въ Нижегородскомъ соборѣ.

ванія казной избрать особое лицо и указать при этомъ на Минина. Все было исполнено.

Быстро и дружно стали устраиваться въ разныхъ городахъ и уѣздахъ народныя ополченія и стекаться вмѣстѣ съ пожертвованіями въ Нижній Новгородъ, и скоро они двинулись къ Ярославлю. Вспокоились въ Кремлѣ поляки, а подъ Москвой казѣ-

ки. Первые опять въ послѣдній уже разъ приступили къ патріарху Гермогену, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ, оставаться вѣрными Владиславу. Но онъ сказалъ: «да будетъ надѣ-

Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго изъ Суздаля.

ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да излется гнѣвъ Божій, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семь вѣкъ и въ будущемъ». Это были предсмертныя слова великаго старца: поляки уморили голодомъ величайшаго изъ русскихъ патріотовъ въ подземельѣ

Чудова монастыря. Казаки же Заруцкого отправили убійцу въ Ярославль на князя Пожарскаго, но онъ промахнулся и не успѣлъ въ своемъ замыслѣ. Этотъ доблестный вождь народныхъ ополче-

Памятникъ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.

ній грамотами своими призывалъ русскихъ людей на помощь отечеству: «вамъ бы, помня Бога и свою православную Христіанскую вѣру, писалъ онъ, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть

не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами вѣдаете, господа, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылатся...» Радостно встрѣтили у Троицы Пожарскаго и его ополченіе. Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ ѡбжалъ на югъ, Трубецкой звалъ къ себѣ въ станъ народное ополченіе. Но оно не довѣряло прежнему тушинцу. Нужно было торопиться, потому что къ Москвѣ подходилъ панъ Хоткевичъ съ вспомогательными польскими отрядами. На самыхъ улицахъ Москвы, отъ Арбатскихъ воротъ къ Крымскому мосту и за Москвой-рѣкой, два дня шла ожесточенная битва съ Хоткевичемъ. Но поляки были разбиты и ушли назадъ, а тѣ, что сидѣли въ Кремлѣ, томимые голо-

ни Амиурсъ показало
рѣки приложн

Почеркъ князя Пожарскаго.

домъ, должны были сдаться. Кремль былъ свободенъ, свободна была и Россія. Созванные въ Москву выборные люди призвали на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, что положило конецъ смутному времени. Черезъ 9 лѣтъ, въ 1613 году, исполняется триста лѣтъ этому великому событію.

Но нужно глубже всмотрѣться въ это возстановленіе на Руси монархіи самодержавной самимъ народомъ. Поляки, какъ вы помните, въ періодъ междуцарствія, выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властью короля-государя, не могшаго ничего рѣшать безъ сейма. Но уже тогда русскіе люди указывали, что они желаютъ себѣ, по завѣтамъ своей исторіи, такого Царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не даетъ въ обиду слабого-сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которой слишкомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣмъ, кто въ Польшѣ творилъ безчистства и всякое на-

силіе надъ людьми меньшими. Значить, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Рѣчи Посполитой, или республики, какъ называли поляки свое государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть государя, по особымъ рядамъ или договорамъ, была ограничена вѣчемъ или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысячникомъ и старостами новгородскихъ концовъ. Вы помните, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи государемъ Михаила Ѳеодоровича никто не говорилъ объ ограниченіи его верховной власти государевой думой боярской, какъ было при Василии Іоанновичѣ Шуйскомъ, котораго народъ называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ, русскіе люди ни о чемъ подобномъ и думать не хотѣли. Они возстановили государство въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно создано было тяжкимъ трудомъ Русской исторіи, въ видѣ царства самодержавнаго, вручили юному Михаилу Ѳеодоровичу Романову стоящую превыше всего, никѣмъ и ничѣмъ неограниченную власть Государя-Царя-Самодержца, власть высоко стоящую надъ народомъ, свободную и самостоятельную, отвѣтственную только предъ Богомъ и царской совѣстью, не имѣющую нужды заискивать въ комъ-либо для осуществленія интересовъ государственныхъ и народныхъ. Поэтому народъ никогда не называлъ Михаила Ѳеодоровича Романова государемъ волею народа, всегда величалъ его Богоизбраннымъ и Боговѣнчаннымъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Самодержцемъ, Божіею милостію. И самъ Царь въ своихъ грамотахъ и на своихъ печатяхъ именовалъ себя «Божіею милостію Великимъ Государемъ Царемъ Самодержцемъ». Это непререкаемое доказательство того, что народъ нашъ не притязалъ, какъ на западѣ, дѣлить съ государемъ верховную власть, вмѣшиваться въ его государево дѣло, ограничивать его власть, которая для народа была Высочайшею, выше которой была только власть Бога Вседержителя.

Въ слѣдующемъ чтеніи мы, на основаніи Исторіи Россіи нашего знаменитаго московскаго историка С. М. Соловьева, подробно остановимся на вступленіи на царскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

3.

Избрание Михаила Феодоровича, по грамотамъ того времени, какъ возстановленіе наслѣдственной и самодержавной монархіи.—Иванъ Сусанинъ и спасеніе Царя.—Знаменательная быстрота въ возстановленіи государственнаго порядка, при множествѣ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ, при полномъ разореніи Россіи.—Борьба съ Заруцкимъ, Лисовскимъ и разными мятежниками.—Миръ со Швеціей.—Первая война съ Польшей и Деулинское перемиріе.—Возвращеніе въ Россію Филарета Никитича, его патріаршество и государственное значеніе.—Дѣла внутренняго управленія.—Вторая война съ Польшей. Азовское сидѣніе казаковъ.—

Т о очищеніи Москвы отъ поляковъ, временное правительство, во главѣ коего стояли князья Пожарскій и Трубецкой, разослало грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла. Въ нихъ говорилось, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ государя московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ государя вѣдаль московское государство разорилось все: безъ государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится», и потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государственнаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ

избраньи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначень быть трехдневный постъ, по-

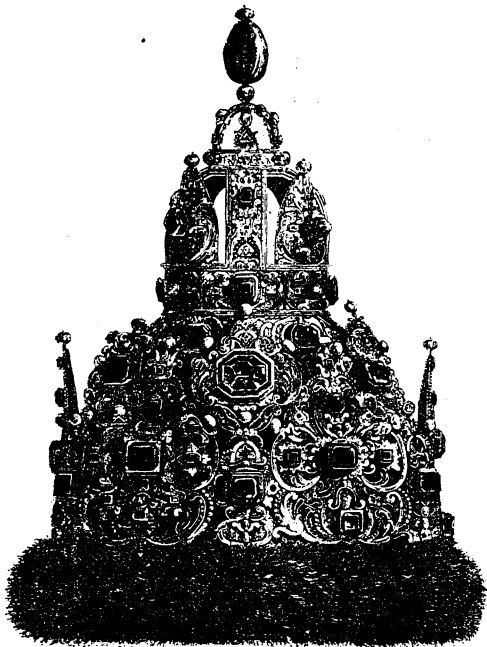

Заглавный листъ рукописи XVII вѣка *).

слѣ котораго начались собранія. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ до-

*) Рукопись была составлена для царя Алексѣя Михайловича въ посольскомъ приказѣ,

мовъ, или своего природнаго русскаго, и порѣшили «литовскаго и шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на владимірское и московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король московское государство разорилъ, а шведскій король великій Новгородъ взять обманомъ». Стали выбирать своихъ: тутъ

Царскій вѣнецъ Михаила Теодоровича.

начались козни и волненія, всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верху. Однажды, говорить лѣтописъ, какой-то дворянинъ изъ Галича принесть на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Теодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесть такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходить

донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Однакоже мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, довершило уже назрѣвшее рѣшеніе: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ Царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ узнать мысль народа относительно новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила Царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресенье великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳеодоровича Романова. Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ вошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари? — «Михаила Ѳеодоровича Романова» — былъ отвѣтъ.

Провозгласивши Царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, соборъ назначилъ ѣхать къ нему въ челобитникахъ: Ѳеодориту архіепископу, съ троими архимандритами, троицкимъ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, протопопами и боярами.—Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ и въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ». Въ это время Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью инокиней Марѳой жилъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: «всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ великому государю умилься надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство Россійскаго царства отъ расплѣненія отъ польскихъ и литовскихъ людей собрать во единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слез-

наго рыданія не презрять, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и на московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ, великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихся на насъ бѣдъ и скорбей; а какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а москов-

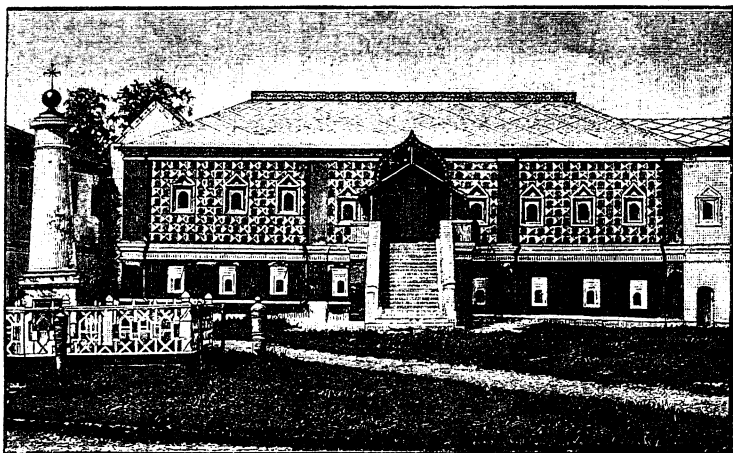

Ипатьевскій монастырь.

скаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ государю и прямить и головы свои за тебя власть всѣ люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: «если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, быть государемъ царемъ и ѣхать въ Москву вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его государемъ. А если государь

станеть разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ, и ему на московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ государь про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылають къ литовскому королю, за отца его дають на обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

Послы выѣхали изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде, отъ 25 февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «и вамъ бы, господа, гласила грамота, за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подѣ

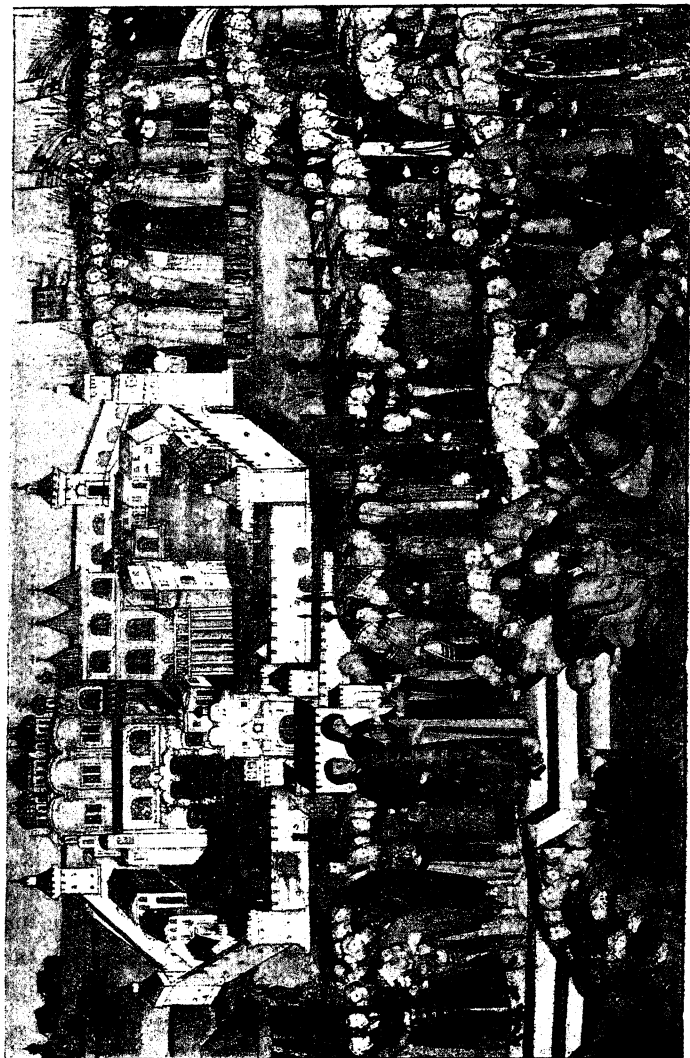

Домъ бояръ Романовыхъ въ Костромѣ.

однимъ кровомъ и державою и подѣ высокою рукою христіанскаго государя, царя Михаила Ѳеодоровича. А мы, всякіе люди московскаго государства отъ мала до велика и изъ городовъ выборные и невыборные люди всѣ обрадовались сердечною радостію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась—быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳедора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳеодоровичу; Богъ его государя на такой великій царскій престолъ избралъ не по чѣму-либо заводу: избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная записка. Присяга областей послѣдовала быстро.

Наконецъ, пришло извѣстіе отъ пословъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ; Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Марѳа упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убійствѣ Іжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «видя такіе прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей разорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Михаилъ и Марѳа говорили, «что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣшеніи, и какъ свѣдаетъ король, что на московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенія отца своего на московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя».

Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго: моленія и челобитья не презирлъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанью: положили Богъ единомышленно

Призваніе на царство Михаила теодоровича Романова въ Ипатьевскомъ монастырѣ 1613 года.

въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды,

и Богъ ему мстилъ кровь царевича Дмитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога мечь принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ

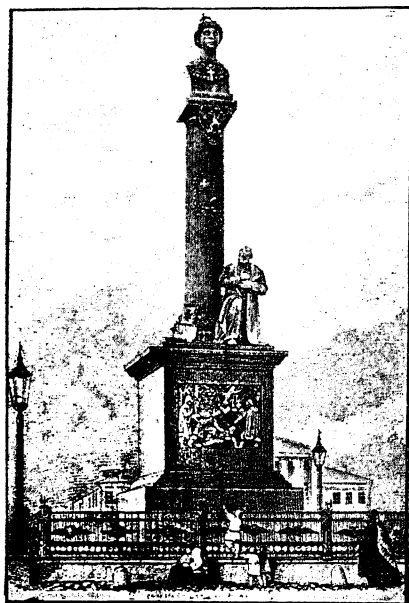
Коронованіе Михаила Феодоровича. По книгѣ „Объ избраніи его на царство“.

московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часа дня до девятаго, говорили, чтобъ онъ воли Божіей не снималъ, быть на московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разо-

реніе государства; тогда Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Θεодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди

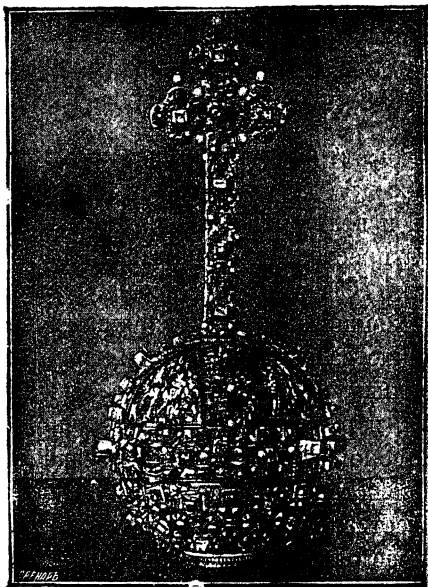
Памятникъ царю Михаилу Θεодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину въ Костромѣ.

московскаго государства на-казались и пришли въ соединеніе — эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ научились, что значить рознь и шатость, развязывающія руки ворами. Лучшие люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи крѣпко сомнѣваться вокругъ новаго государя и всѣми силами отстаивать его, несмотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержа-

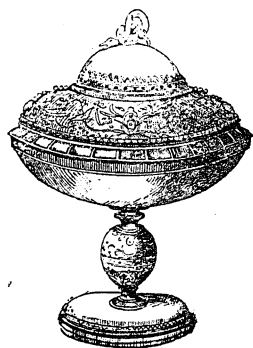
нія и охраненія новаго царя, возстановлявшаго государственный нарядъ, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы послѣ сдачи кремля, жилъ въ Костромѣ отрядъ поляковъ (какъ говорить грамота), узнавши объ избраніи новаго царя, отыскивалъ его мѣсто пребыванія съ цѣлю умертвить нежеланнаго имъ возстановителя русскаго государства; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина: изъ села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытатель его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ? Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

19 марта выѣхалъ Михаилъ Θεодоровичъ изъ Костромы въ

Ярославъ, 2-го Москва торжественно и восторженно встрѣтила юнаго Царя, а 11 іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило его вѣнчаніе на царство. Священнодѣйствіе было совершено по тому же уставу, по какому оно было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Сперва предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на него были возложены царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ было совершено священное муропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадле-

Царская держава.

Сосудъ священнаго муропомазанія
государей.

жалъ императору Августу и изъ котораго донинѣ помазываются на царство наши государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный и помазанный Царь пріобщался тѣла и крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князья Мстиславскій и Трубецкой.

Передъ тѣмъ, какъ идти въ соборъ на коронованіе, сказано было боярству двоимъ столбикамъ: родственнику царскому князю И. Б. Черкасскому и вождю-освободителю князю Д. М. Пожарскому. 12 іюля, въ день именинъ государя, пожалованъ былъ въ

думные дворяне Козьма Мининъ. Милостей и льготъ народу государь не могъ дать: казна была совсѣмъ пуста.

Приводимъ въ фотографическомъ воспроизведеніи утвержденную (подписями) грамоту *) объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и ради трудности разбирать ее приводимъ ея начало и конецъ въ типографскомъ. Вся середина грамоты содержитъ короткое обозрѣніе всей Русской Исторіи по царствованіямъ.

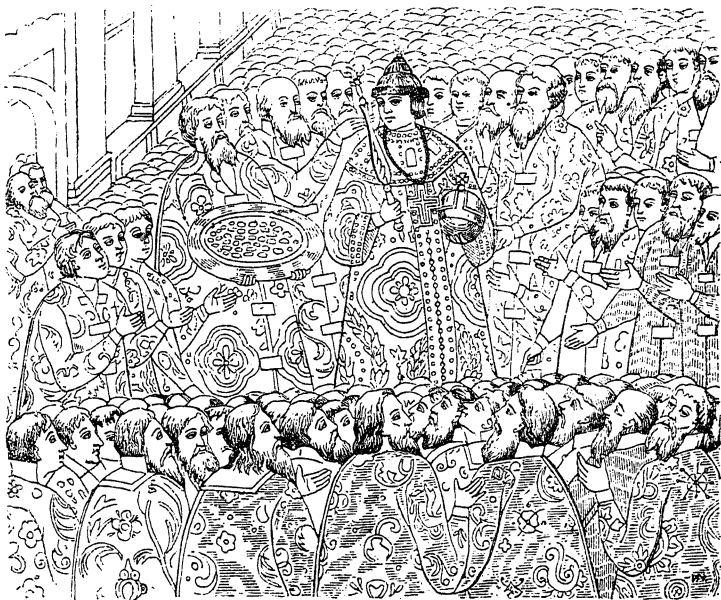
Вотъ начало грамоты:

Грамота утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей—писано 1613 года въ майѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всеильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и вельѣпной и святей славѣ величества Своего, сѣдѣщаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся свѣщаются, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя, и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ составехъ единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа Господствующимъ, непреодолимнаго и всякіе силы крепчайшаго, имъ же Царіи царствуютъ и величьи величаютца, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумеваемыми и недоувѣдомыми судбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытія въ бытіе создаетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ примѣша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ государей Царей россійскихъ, корень изиде отъ превысочайшаго пещарскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго корени, Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь великій Рюрикъ содержаше скипетръ великаго россійскаго государства въ великомъ Новѣградѣ...

*) По извѣстному изданію Г. Н. Кутепова.

Послѣ изложенія Русской Исторіи до избранія на царство Михаила Феодоровича говорится: «кто похочетъ мимо Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей небуди, или какое лихо хто похочетъ учинити: и намъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ, и всякимъ людямъ на того измѣника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, великаго Государя нашего, Царя и Великаго князя

Выходъ изъ Успенскаго собора послѣ вѣщанія на царство.

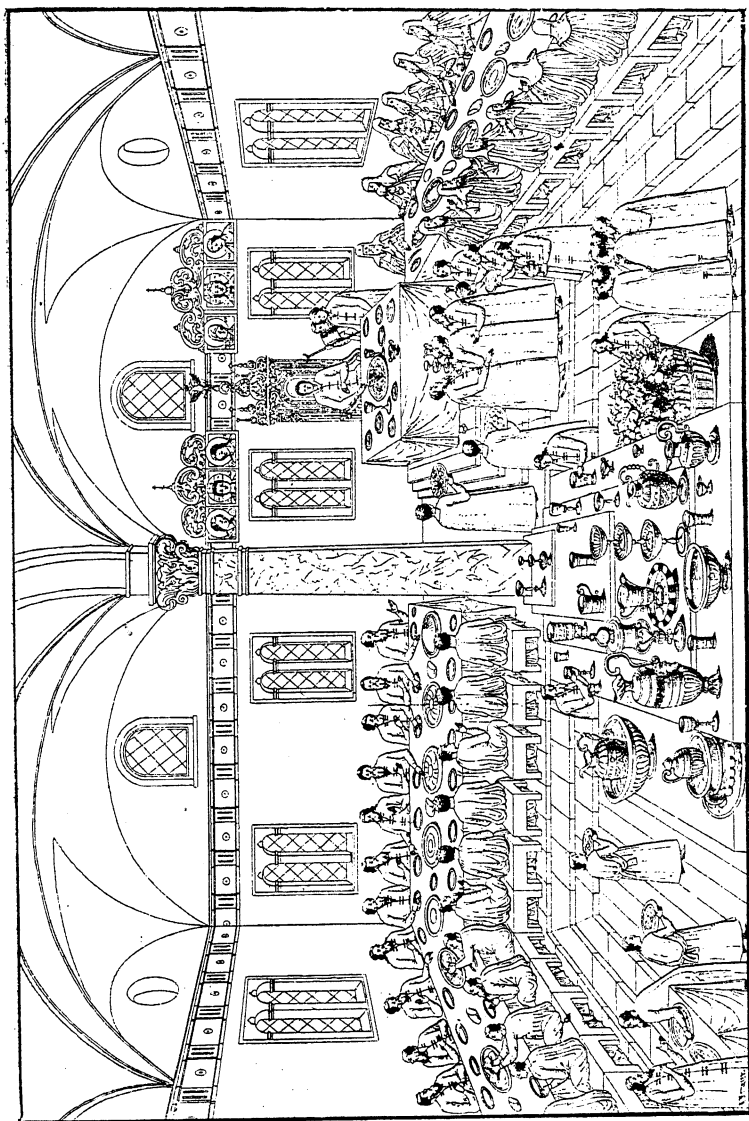
Михайла Федоровича всеа Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, не по отечеству и не по своему достоинству, выше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ Государскихъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевъ службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...»

Въ своемъ заключеніи грамота гласить:

«А кто убо и не похощеть послушати сего соборного уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковой, аще отъ священнаго чину, и отъ бояръ, царскихъ синьклитъ и вопиственныхъ, или ипѣ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уложению всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ... А на соборѣ были Московского государства и изъ всѣхъ городовъ Россійскаго царства власти, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты и игумены, и протопопы и весь освященный соборъ, и бояре, и окольные, и чашники, и стольники, и стряпчие, и думные дворяне и дѣяки, и жильцы, и дворяне большие, и дворяне и городовъ, и дѣяки изъ приказовъ и головы стрѣлцкіе и всякіе приказные и дворовые люди и гости и сотники стрелецкіе, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посадные, всякихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди, и изъ всехъ городовъ всего Россійскаго царства выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обираи. А уложено бысть и написана сии утвержденная грамота за руками и за печатми великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующимъ граде Москвѣ, въ первое лѣто, царства его, а отъ созданія міру 7200-го, индикта 41-го, месяца май.

Изъ исторіи царствованія Михайла Феодоровича вы узнаете, какъ важно государству съ распутія и смуты вступить на свой историческій путь, въ колею твердаго государственнаго порядка. Государь, въ 17 лѣтъ возложившій на себя шапку и бармы Мономаха, конечно, не обладалъ ни правительственною опытностью Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, а государство получилъ въ полномъ разореніи. Но онъ, идя правымъ путемъ, скоро привелъ его въ порядокъ, въ прежнее его положеніе. Дѣйствительно, положеніе государства, въ началѣ царствованія его, было крайне печально. Государственная казна не то что была пуста, а просто не существовала: нечѣмъ было, какъ вы знаете, не только жаловать служилыхъ людей, но и нечѣмъ было отстроить Кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Приходилось немногихъ людей достатка просить въ гра-

мотахъ о пособіяхъ государству, приходилось отъ Англіи принять денежное пособіе займообразно. Земля до того обезлюдѣла,

Коронаціонный обѣдъ Михаила Теодоровича въ Гразовитой палатѣ. По книгѣ: „Объ избраніи на царство“.

что иностранные послы, проѣзжая сотни верстъ, встрѣчали деревни, села и города, съ домами, наполненными трупами; въ нихъ нельзя было отъ трупнаго запаху пріютиться на ночлегъ

и приходилось ночевать въ полѣ. Слишкомъ мало было на Руси всякихъ средствъ для государственныхъ нуждъ, но враговъ было безъ конца; въ Астрахани сидѣлъ Заруцкій съ сыномъ самозванца, которыхъ поддерживали и турки, и персы, и русскіе инородцы. Внутри государства все грабили и разоряли шайки разнаго сорта воровъ и разбойниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись ватаги атамана Баловня. Вдоль и поперекъ крестилъ Русь, дѣлая переходы по сту верстъ въ сутки, неутомимый польскій наѣздникъ Лисовскій. На сѣверѣ Россіи хозяйничали шведы, уже захватившіе Новгородъ и другіе города, а ихъ король Густавъ Адольфъ осаждалъ Псковъ. Бѣлоруссію и Сѣверскія области занимали поляки; ихъ королевичъ Владиславъ грозилъ юному Михаилу отнять у него врученный ему скипетръ. Но, посмотрите, прошло пять лѣтъ съ 1613 года по 1618, когда царю Михаилу Ѳеодоровичу было всего только 21 годъ, и Русь нельзя было узнать. Заруцкій, спасаясь отъ преслѣдованія царскаго воеводы князя Одоевскаго, бѣжалъ изъ Астрахани на Уралъ, здѣсь былъ выданъ государевымъ людямъ и былъ казненъ съ сыномъ Марины. Внутреннія шайки успѣшно преслѣдовалъ князь Лыковъ. Баловень былъ захваченъ и повѣшенъ. Князь Д. М. Пожарскій преслѣдовалъ Лисовскаго, но не настигалъ его и тяжело заболѣлъ. По счастью, этотъ вредный для Россіи чловѣкъ скоро умеръ въ Литвѣ. Отъ шведовъ мы потерпѣли неудачу: князь Трубецкой былъ разбитъ ими подъ Бронницами. Но при посредствѣ Голландіи и Англіи былъ заключенъ съ ними въ 1617 году въ Столбовѣ, близъ Тихвина, миръ, по коему шведы возвратили намъ Новгородъ и другіе города, хотя и взяли себѣ наше Финское побережье съ городами Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ), Иваномъ-городомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Шведскій король Густавъ-Адольфъ, придавая большое значеніе тому, что мы были оттѣснены отъ Балтійскаго моря, хвалился предъ сеймомъ, что шведовъ отдѣляютъ теперь отъ Россіи 30 миль болотъ, озера и Финскій заливъ, и долго русскимъ не придется перескочить черезъ этотъ ручеекъ. Но онъ ошибся: внукъ Михаила Ѳеодоровича Петръ I отнялъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи и здѣсь 200 лѣтъ тому назадъ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Торопились заключеніемъ мира со Швеціей потому, что предстояла тяжелая война съ Польшей. Владиславъ двинулся противъ Россіи, объявляя себя ея царемъ, но города не сдавались поля-

камъ, оставаясь вѣрными своему русскому государю, а выборные люди, созванные въ Москву на соборъ, поклялись «не щадить головъ своихъ за православную вѣру и своего царя». Поддержанный малороссійскимъ гетманомъ Конашевичемъ - Сагай-

Царь Михаилъ Феодоровичъ. 1613—1645. (По Титулярнику).

дачнымъ, Владиславъ подошелъ къ самой Москвѣ и, расположившись станомъ въ Тушинѣ, грамотами требовалъ сдачи Москвы, именуюя себя царемъ московскимъ; русскіе люди затерли дегтемъ этотъ титулъ, возвратили грамоту назадъ и отбили приступы Владислава къ Москвѣ. Онъ было пытался

овладѣть Троицкой лаврой, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу и въ 1618 году заключилъ въ селѣ Деулинѣ перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Русскіе должны были уступить Польнѣ Смоленскъ и Сѣверскую область и заплатили ей 20.000 руб., Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ и согласился только на размѣнъ плѣнныхъ. На этомъ основаніи возвращень былъ къ радости царя и народа доблестный страдалецъ за Русскую землю — отецъ государевъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Послѣ смерти патріарха Гермогена, въ ожиданіи возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича, намѣренно не замѣщали патріаршій престолъ. Возвращеніе его сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь выѣхалъ къ отцу на рѣчку Прѣсню. Оба пали другъ предъ другомъ на землю. Одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ

Печать Филарета Никитича.

Царя, другой своего родителя. Народъ, видя это, плакалъ въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ возведенъ былъ въ санъ патріарха Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. Какъ отецъ государя, мужъ сильнаго ума, крѣпкой воли и многотруднаго опыта, онъ сталъ соправителемъ сыну и пользовался титуломъ «Великаго государя». Всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ государей. «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси и Святѣйшій патріархъ и великій государь приказали» и т. д. Всѣ посольства представлялись или обоимъ государямъ вмѣстѣ, или каждому отдѣльно. Важнѣйшіе доклады представляли тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дѣятельности. Филаретъ Никитичъ еще болѣе укрѣпилъ значеніе самодержавной власти своего сына. Вѣроятно, не безъ его влія-

нія выборный царь, нерѣдко собиравшій выборныхъ людей на земскіе соборы, отмѣнилъ въ областномъ управленіи участіе выборныхъ людей, излюбленныхъ головъ земскихъ и губныхъ старостъ и сосредоточилъ мѣстную власть въ рукахъ воеводъ. Для опредѣленія податей, пошлей и другихъ повинностей установлена была перепись населенія, при посредствѣ писцовъ и дозорщиковъ, въ такъ называемыхъ писцовыхъ книгахъ. Патріархъ Филаретъ завелъ въ Чудовомъ монастырѣ греко-латинскую школу

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.

и заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Царь нанялъ нѣсколько иностранныхъ полковъ, сталъ въ Россіи пользоваться новымъ иностраннымъ военнымъ строемъ и заботился о насажденіи у насъ фабрично-заводскихъ производствъ. Такъ, при помощи иностранцевъ, у насъ были заведены желѣзо-дѣлательные, стекольные, кожаные и кирпичные заводы. Выстроилъ на Никольской улицѣ, ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла,

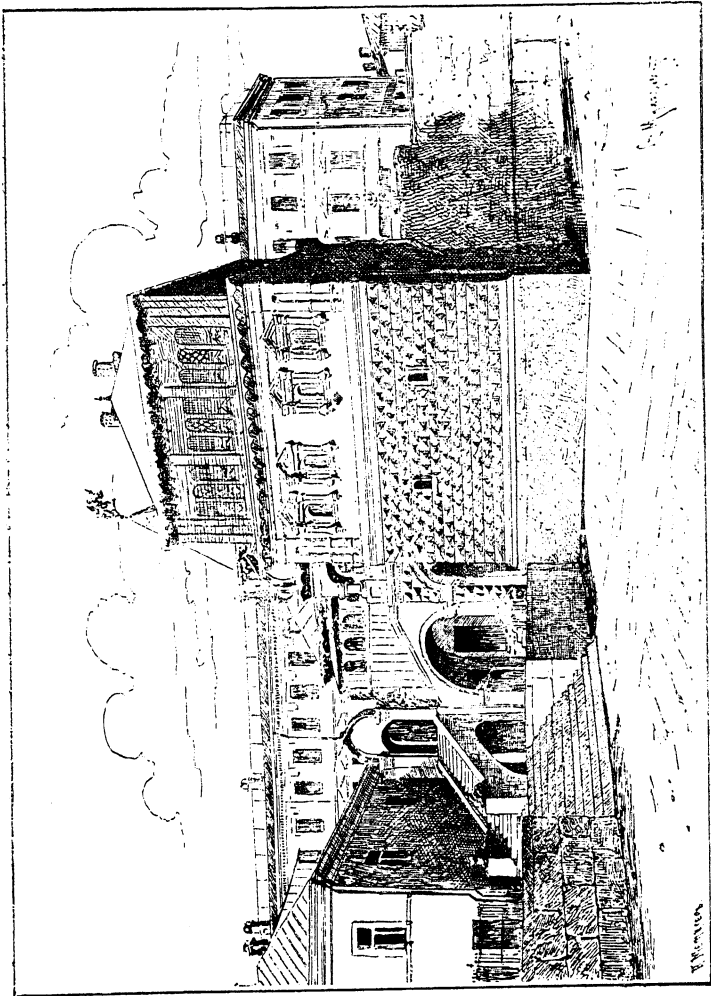
сгорѣвшую типографію. Государь положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго садоводства. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ садахъ появляются новыя для Москвы растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ разрослась. Въ ней было до 1000 семействъ только протестантскихъ исповѣданій. Вообще подъ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича Романова Россія стала быстро оправляться и крѣпнуть.

Деулинское перемиріе истекало, а наши отношенія къ Польшѣ продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Влади-

Подпись Михаила Ѳеодоровича.

славъ все еще не отказывался отъ Русской короны; и нельзя было забыть перехода коренныхъ русскихъ областей во власть поляковъ. Поэтому Царь заранѣе сталъ готовиться къ войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе, нанималъ иностранцевъ—солдатъ и офицеровъ. Когда въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ, и въ Польшѣ началось междоусобице съ избирательными раздорами, московское правительство объявило войну полякамъ; наши войска, подъ начальствомъ знаменитаго защитника Смоленска въ пору междоусобицы боярина Шеина, двинулись на западъ. Сначала наши дѣла пошли очень удачно: были отняты у поля-

ковъ нѣкоторые русскіе города, и крѣпко осажденъ Смоленскъ. Но избранный въ короли Владиславъ съ большимъ войскомъ расположился станомъ подъ Смоленскомъ и подкрѣпить его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары напали на южныя

Домъ Романовыхъ въ Москвѣ.

области, и много ратныхъ людей ушло изъ русскаго стана для защиты своихъ земель. Шейнъ былъ крайне стѣсненъ; среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; поляки захватили Дорогобужъ со складомъ провіанта; въ русскомъ станѣ начались

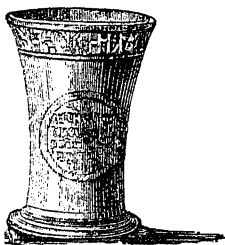
голодь и страшныя болѣзни. Доведенный до крайности Шейнъ началъ переговоры. Поляки согласились выпустить его съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ свою артиллерію, отпустить иностранцевъ и преклонить знамена предъ поляками. Шейнъ былъ за это преданъ суду, обвиненъ въ измѣнѣ (несправедливо) и казненъ. Истинная причина этого заключалась въ его высокомѣрнѣи презрительномъ отношеніи къ товарищамъ. Къ счастью, поляки, угрожаемые турками, заключили миръ на рѣкѣ Поляновкѣ на условіяхъ признать Михаила Ѳеодоровича Царемъ и подтвержденія условій Деулинскаго перемирія. Въ это время привезенъ былъ изъ Варшавы гробъ бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Въ это время казаки едва не вовлекли Россію въ большую войну съ турками. Донскіе казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ и запорожцы, жившіе въ принадлежавшемъ Польшѣ при-дѣлѣпровьѣ, не признавали почти надъ собою ничьей власти и дѣйствовали по своему произволу. Въ 1618 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника и съ помощью запорожцевъ захватили принадлежавшій туркамъ Азовъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ имъ строгую грамоту, въ которой говорилъ, что нигдѣ не ведется побивать пословъ, и осуждалъ ихъ за взятіе Азова безъ царскаго повелѣнія. Какъ бы ни выгодно было владѣть намъ Азовомъ, особенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ постоянныхъ набѣговъ на русскіе предѣлы, Царь увѣдомилъ султана, что казаки самовольно захватили городъ и просилъ его не имѣть нелюбья противъ Россіи. Но въ 1641 году, освободившись отъ войны съ персами, турки наслали на русскіе предѣлы крымцевъ, а сами съ двухсотъ-тысячнымъ войскомъ, на корабляхъ и съ сильной артиллеріей, осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донцовъ съ нѣсколькими сотнями своихъ женъ и тысячею запорожцевъ проявили невѣроятное, но обычное для русскихъ людей геройство: они отбили 24 турецкихъ приступа; истребили 20 тысячъ турокъ и чрезъ полгода заставили турокъ снять осаду и возвратиться во-свояси, а сами послали къ Царю бить челомъ, чтобы онъ взялъ Азовъ подъ свою высокую руку. Побѣдителей, да особенно такихъ, не судятъ. Государь прислалъ казакамъ свою милостивую грамоту съ жалованьемъ и говорилъ имъ: «мы васъ за вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство миро-

ство похваляемъ». Но, воздавъ имъ должное за ихъ геройство, Царь не могъ взять Азовъ подъ свою руку, потому что это вело къ громадной войнѣ съ турками, трудной въ послѣдствіи и для Петра I. Созваны были въ Москву выборные люди на земскій соборъ для рѣшенія вопроса: «Государю-Царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли? Если принять, то войны не миновать; и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы деньги надобны многія и не на одинъ годъ. И такія великія деньги и многіе запасы гдѣ брать?»

Опрошенныя на собраніи сословія отвѣчали въ существѣ дѣла: «какъ рѣшитъ Государь, пусть такъ и будетъ; всѣ готовы по его слову жертвовать всѣмъ, даже и жизнью».

Духовенство напр. отвѣчало, что о ратномъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать Царю да боярамъ, а имъ духовнымъ лицамъ все

Кубокъ Михаила Сеодоровича.

Братина патриарха Филарета.

это—не за обычай; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать ратнымъ людямъ они готовы по мѣрѣ силъ. Служилые люди прямо говорили, что Азовъ взять слѣдуетъ... Стрѣлецкіе головы отвѣчали, что во всемъ воля Государева, а они, холопы его, служить рады и готовы, гдѣ Государь ни укажетъ. Безпомѣстные, пустомѣстные и мелкопомѣстные указывали, что имъ нужно жалованье для отбыванія службы. Другіе, не скрывая своего разоренья отъ разныхъ неурядицъ въ государствѣ, выражали однако готовность на свою службишку противъ недруговъ Государевыхъ. Даже торговые люди, сославшись на плохіе торжишки, перехватываемые иноземцами и кизылбашами (восточные чело-вѣки), заявляли, что «рады своими головами служить за здоровье Царское и за православную вѣру помереть». Выслушавъ такіе отвѣты, отдававшіе въ существѣ дѣла все на волю Государя, Ми-

ханъ Ѳеодоровичъ далъ приказаніе казакамъ оставить Азовъ, а тѣ не оставили здѣсь туркамъ камня на камнѣ. Но казаки подготовили здѣсь путь Петру I.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался 12 іюня 1645 года, послѣ тридцатидвухлѣтняго царствованія, не достигнувъ еще пяти-

Соборный храмъ Знаменскаго монастыря.

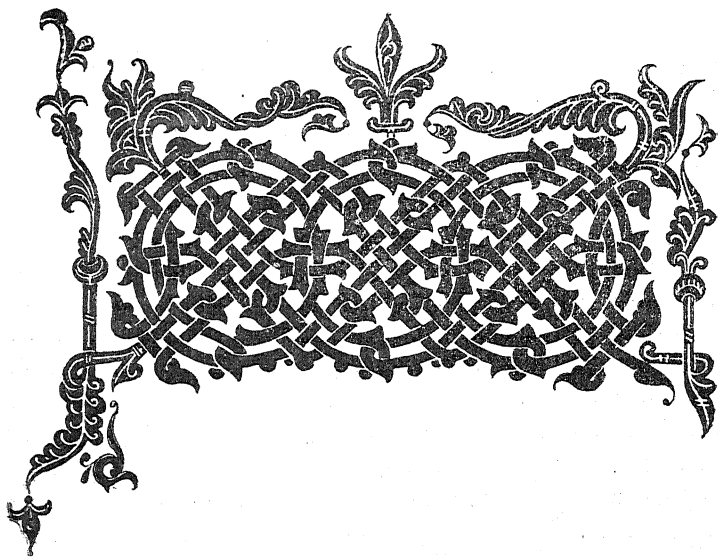
десятилѣтняго возраста и оставивъ престолъ 16-тилѣтнему сыну Алексѣю Михайловичу.

Древніе римляне,—народъ глубоко государственный, въ память спасенія своего государства отъ гибели, назвали одного изъ своихъ героевъ (Камилла) вторымъ основателемъ Рима, а другого (Маріа) третьимъ основателемъ. Мы съ бѣльшимъ правомъ можемъ назвать Царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ осно-

вателемъ Русскаго государства и нашей Москвы. Дѣло въ томъ, что онъ принялъ и Русское государство и нашу Москву разрушенными до основанія. Ему принадлежитъ великая слава за то, что онъ вновь создалъ Русское государство и основалъ новую національную династію, которая довела Россію до нынѣшняго императорскаго величія и могущества, и лежавшую въ развалинахъ Москву передалъ своему сыну Царю Алексѣю Михайловичу опять въ видѣ огромнаго и красиваго города, которому дивились пріѣзжавшіе сюда иностранцы. Три четверти ея, за небольшими исключеніями въ Кремль и Китай-городъ, были сожжены поляками въ лихолѣтье. До Михаила Ѳеодоровича не существовало ни Бѣлаго города, ни деревяннаго Скородома, или Земляного города, ни слободъ, ни Замоскворѣчья, а послѣ Михаила все это было застроено такъ, «какъ будто и не было совсѣмъ» разрухи лихолѣтья. Изъ Исторіи Москвы, какъ города при этомъ первомъ Царѣ изъ Дома Романовыхъ, укажу только немного. Онъ возстановилъ обваливавшіяся стѣны и башни Кремля. Небольшія до него Спасскія ворота онъ надстроилъ высокою башней и поставилъ подъ нею тѣ часы, которые замѣнилъ новыми его внукъ Петръ I. Возстановилъ и украсилъ живописью первопрестольный Успенскій соборъ; противъ Тайнинской башни построилъ теперь несуществующій Александровскій соборъ, возстановилъ заново разрушенные дворцы, надстроилъ терема, которыми мы любуемся теперь. Филаретъ Никитичъ около Годуновскаго Ивана Великаго сдѣлалъ огромную колокольную пристройку, до сихъ поръ называющуюся Филаретовскою. Въ это же царствованіе былъ построенъ на Красной площади Казанскій соборъ, въ память освобожденія Москвы кн. Пожарскимъ. На Варваркѣ, близъ боярскихъ палатъ Романовыхъ, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Трудно исчислить сколько храмовъ было построено при немъ въ Китай-городѣ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ. Его по справедливости мы обязаны почитать, какъ второго основателя нашей Москвы.

4.

Второй представитель Царствующаго Дома Романовыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ и его значеніе.—Личный характеръ Государя, по отзывамъ современниковъ—иностранныхъ и русскихъ.—Его глубокая религіозность, его умъ и образованіе, его доброта и мягкость, сердечная привязанность къ друзьямъ и благотворительность.—Его взглядъ на Царскую Власть.—Отношеніе къ древней Руси и Западу.—Его потѣхи и охота.

Второй государь изъ дома Романовыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ (отъ 1645—1676) далъ одну изъ примѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ страницъ нашей Отечественной Исторіи. Если отецъ его Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ возстановилъ и какъ бы второй разъ основалъ разрушенныя смутой Русское государство и его столицу Москву и, что знаменательно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ создала многовѣковая исторія наша, то сынъ его далъ имъ возможность развивать и совершенствовать тѣ творческія начала національной жизни, кои лежали въ основахъ нашей исторіи и сплотили Россію подъ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича. Царствованіе Алексѣя Михайловича подготовило и царствованіе Петра I, съ его сближеніемъ съ западомъ, съ его преобразованиями, съ морскими сношеніями съ другими государствами и народами.

Продолжая дѣло Ярослава Мудраго, давшего «Русскую Правду», и двухъ Иоанновъ III и IV, издавшихъ свои «Судебники», Царь Алексѣй Михайловичъ явился болѣе ихъ примѣчательнымъ законодателемъ, издавъ охватывавшее всѣ стороны государственной жизни, а не одну судебную, свое Соборное

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Уложение,—такой сводъ законовъ, какого не могли составить въ послѣдующее за нимъ время въ теченіе 100 лѣтъ, протекшихъ отъ Императора Петра I, и какой явился у насъ на смѣну Соборному Уложению лишь въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Продолжая дѣло собиранія Русскихъ земель въ одномъ Всероссійскомъ государствѣ, онъ принялъ подъ свою высокую Царскую руку, по просьбѣ казаковъ съ Хмѣльницкимъ во главѣ, Малую Русь, соединивъ ее съ Великой, и показалъ, что Украина должна тяготѣть къ своему центру, и вслѣдствіе этого началъ то наступленіе на Польшу, которое окончилось при Екатеринѣ II совершеннымъ паденіемъ этого королевства.

Оставаясь вѣрнымъ національно - историческимъ завѣтамъ нашимъ, онъ однако былъ чуждъ замкнутости и обособленности и, цѣня образованіе, выработанное греко - романо - германскимъ міромъ, готовъ былъ пользоваться и дѣйствительно пользовался имъ въ школьномъ, книжномъ, техническомъ и даже бытовомъ отношеніи болѣе, чѣмъ его царственные предшественники, хотя и менѣе, чѣмъ сынъ его Петръ I.

Такое направленіе своего царствованія онъ велъ въ теченіе 31 года, несмотря на значительныя потрясенія своего времени, какими были тогдашнія гражданскіе и церковные мятежи, до бунта Стеньки Разина и огромнаго церковнаго старообрядческаго раскола включительно.

Мы имѣемъ въ виду подробно изложить вамъ царствованіе Алексѣя Михайловича, но прежде этого должны ознакомить васъ съ личностью и характеромъ этого симпатичнѣйшаго изъ Русскихъ Царей, какъ они выразились во всѣхъ его отношеніяхъ къ государству, церкви, семьѣ, къ ближнимъ лицамъ и къ народу и какъ сказались въ самомъ быту царскомъ до охотъ включительно. Личность и характеръ вождей народа всегда имѣютъ важное значеніе въ исторіи, а особенно личныя свойства тѣхъ, кто облечены такой властью, какъ власть Русскаго Самодержца.

Его современникъ, французскій король Людовикъ XIV, ослѣплялъ французовъ и другіе народы блескомъ своей личности, своего быта и дѣйствій, а нашъ Царь Алексѣй Михайловичъ влекъ къ себѣ сердца своихъ подданныхъ и даже иностранцевъ кроткимъ сіяніемъ своего добраго, глубоко симпатичнаго нрава.

По словамъ иностранцевъ, самая наружность Государя привлекала къ нему всѣхъ; это былъ человѣкъ достаточно высокаго роста, здоровый и полный, по нашему дородный, съ симпатичнымъ лицомъ; въ его голубыхъ глазахъ свѣтилось такое добродушіе, что его взглядъ никогда не возбуждалъ страха, но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ. Его румяное лицо, окаймленное русою бородою,

дышало благостью и въ то же время было серьезно, чинно и важно. Поступь и осанка его отличались царственностью, которая выражала не надменность, а сознаніе высоты и святости своей власти. Нѣмецъ Рейтенфельсъ, указывая на умъ, образованность, благочестіе и доброту Царя, говорить, что «это—такой государь, какого желаютъ всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». Враждебно настроенный ко всему русскому,

Царица Наталья Кирилловна.

англичанинъ Коллинсъ былъ однако высокаго мнѣнія о личности Царя Алексѣя Михайловича, когда говорилъ, что онъ можетъ стать на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями всего свѣта. Русскіе подданные называли его «тишайшимъ и ласковымъ» государемъ.

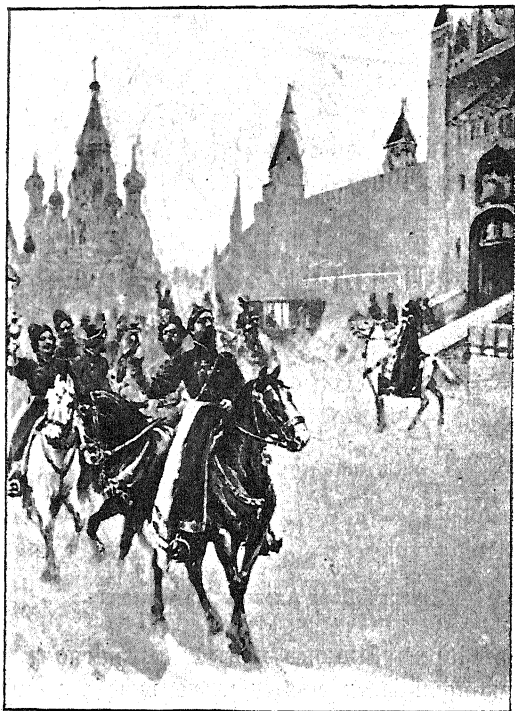
Основной чертой его характера, какъ и его отца, была глубокая религіозность. Это былъ благочестивѣйшій и православ-

нѣйшій государь. Онъ вставалъ раннимъ утромъ въ 4 часа и въ своей моленной творилъ утреннюю молитву, затѣмъ приходилъ къ нему духовникъ съ иконою того святого, который чествовался въ церкви въ этотъ день, съ крестомъ и святой водой, которую привозили изъ ближнихъ и даже дальнихъ монастырей, и окроплялъ ею Государя. Принявъ поклонъ отъ ближнихъ бояръ, онъ каждый день ходилъ къ утренѣ съ царицей, откуда снова возвращался въ свои палаты и бесѣдовалъ съ боярами о дѣлахъ, а потомъ шелъ къ обѣднѣ; послѣ опять занимался государственными дѣлами вплоть до обѣда въ 12 часовъ. Въ праздничные дни онъ съ особою торжественностью совершалъ богомольные выходы изъ дворца въ соборы и монастыри и часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. На Крещенье онъ ходилъ на водосвятіе на Москву-рѣку и самъ серебрянымъ ведромъ черпалъ изъ нея воду, съ особымъ усердіемъ и блескомъ, окруженный дворомъ своимъ, ходилъ въ Вербное воскресенье въ торжественнѣйшемъ крестномъ ходу, ведя за поводъ коня, на которомъ въѣзжалъ патріархъ въ Кремль, по примѣру вступившаго въ Іерусалимъ Христа Спасителя. Весьма часто ѣздилъ на богомолье въ монастыри, особенно въ Новоспасскій монастырь, гдѣ покоятся предки царствующаго дома, въ Сергіеву лавру и Саввинъ Звенигородскій монастырь, который Царь особенно любилъ, потому что приписывалъ свое спасеніе на медвѣжьей охотѣ Преподобному Саввѣ. Очень строго онъ соблюдалъ посты. Великимъ постомъ, въ дни говѣнья, въ среду, пятницу и понедѣльникъ, онъ ничего не ѣлъ, въ другіе же дни ѣлъ разъ въ день по куску хлѣба, огурцу и грибу. Памятниками его благочестія въ Москвѣ, кромѣ постройки немалаго числа новыхъ церквей и богатыхъ вкладовъ въ монастыри и приходскіе храмы, были: постройка у Воскресенскихъ воротъ Иверской часовни, гдѣ поставлена была принесенная съ Аѳона чудотворная икона Божіей Матери, столь чтимая у насъ въ Москвѣ, открытіе мощей основателя Московскаго княжества св. Даниїла Александровича въ Даниловомъ монастырѣ, торжественное перенесеніе гробницы патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ и перенесеніе мощей изъ Соловецкаго монастыря Святителя Филиппа. Царь самъ написалъ молитвенное посланіе къ этому святому первосвятителю. Въ немъ онъ говорилъ: «молю тебя, святой отецъ, и желаю твоего пришествія сюда, чтобы разрѣшить прегрѣшеніе прадѣда нашего, Царя Ивана, совер-

инное противъ тебя неразумно, завистию и несдержаніемъ гнѣва». Митрополитъ Никонъ читалъ эту царскую грамоту въ Соловкахъ предъ ракой Святителя. Самъ Царь подробно описалъ прибытіе въ Москву мощей св. Филиппа и построилъ въ память этого въ Москвѣ храмъ во имя его. Усердный къ церковному богослуженію, онъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ церковныхъ дѣлахъ и церковномъ ученіи, о чемъ свидѣлствуетъ его участіе въ важномъ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ

[illegible]

При немъ въ Москву, несмотря на недо вѣріе большинства къ грекамъ, будто утратившимъ чистоту православія подъ властью турокъ и подъ вліяніемъ прежнихъ сношеній съ католиками (греки предъ завоеваніемъ Константинополя признали было власть папы надъ своею церковью), вызывались греческіе ученые, привозились изъ Греціи древне-греческія и славянскія книги: вызывались изъ Кіевской Академіи, гдѣ изучали латинскій языкъ

Царскій поѣздъ на Соколиную охоту

и высшія науки, ученые люди, какъ Епифаній Ставенецкій, Симеонъ Полоцкій и другіе. Данъ былъ пріютъ въ Москвѣ ученому славянину (хорвату) — Юрію Крижаничу, написавшему много любопытныхъ сочиненій о Россіи и славянствѣ, открывалъ свободный доступъ въ Москву западнымъ иностранцамъ, пригоднымъ для военнаго дѣла и разныхъ видовъ промышленности. Они расширили до большихъ размѣровъ свой поселокъ въ Москвѣ въ нѣмецкой слободѣ.

Самъ Царь поощрялъ образованныхъ людей писать книги, обучать греческому и латинскому языку русскихъ людей, давалъ новое хорошее образованіе своимъ дѣтямъ, даже царевнамъ. Симеонъ Полоцкій, учитель царскихъ дѣтей, основалъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ служащіе въ посольскомъ приказѣ учились по-латыни, а Епифаній Славенецкій, по желанію ближняго къ царю боярина Ртищева, челоѣка очень образованнаго, основалъ въ Андреевскомъ монастырѣ общество для перевода книгъ съ греческаго языка на русскій. Здѣсь учились русскіе греческому языку.

Начальникъ посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ зналъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій и раньше петровскихъ печатныхъ «Вѣдомостей» издавалъ рукописные «куранты». Премникъ его въ посольскомъ приказѣ тоже любимый Царемъ, бояринъ Матвѣевъ, женившись на шотландкѣ, сталъ усваивать западно-европейскіе обычаи, господствовавшіе въ нѣмецкой слободѣ и за границей. У него бывали собранія въ родѣ петровскихъ ассамблей, на которыхъ присутствовали женщины, бывали и иностранныя театральныя представленія, которыя перешли къ Царю въ его потѣшный дворецъ, гдѣ давались піесы, взятые изъ Священной Исторіи, какъ Юдиѣ и Олофернъ, Навуходоносоръ и т. п., составляемыя Симеономъ Полоцкимъ и друг. Въ домѣ Матвѣева Алексѣй Михайловичъ, послѣ смерти царицы Маріи Милославской, увидалъ его воспитанницу и родственницу боярышню Наталью Кирилловну Нарышкину и женился на ней, а она въ 1672 году стала матерью преобразователя Россіи по западно-европейскимъ образцамъ Петра I. Но Алексѣй Михайловичъ, благосклонно относившійся къ западной образованности и иностранцамъ, не былъ склоненъ къ такимъ обширнымъ и глубокимъ заимствованіямъ отъ нихъ, какія дѣлалъ его сынъ. Онъ запрещалъ русскимъ носить западно-европейскую одежду и читалъ сочиненія Юрія Крижанича, который возставалъ противъ «чужебѣсія», т. е. противъ неумѣреннаго подражанія иностранцамъ, до забвенія своего національнаго.

Число рукописныхъ и печатныхъ книгъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ умножилось, и самъ Царь своею собственною самодержавною рукою умножалъ нашу письменность. Любя говорить рѣчи, какъ, напр., при отпускѣ своихъ воеводъ на войну, при встрѣчѣ патріарховъ, даже предъ народомъ, онъ любилъ сочинять и письменно, и его писательство замѣчательно

литературной даровитостью. Кромѣ посланія къ св. Митрополиту Филиппу, отъ него осталось картинное описаніе кончины и погребенія патріарха Іосифа, описаніе первой польской войны, уставъ о соколиной охотѣ, и рядъ самыхъ разнообразныхъ и весьма любопытныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ и по разнымъ обстоятельствамъ, блещущихъ умомъ и художественнымъ чувствомъ.

Человѣкъ сильной вѣры, живого и образованнаго ума, Алексѣй Михайловичъ отличался глубокою русскою сердечностью. Она выражалась широкой благотворительностью ко всѣмъ нуждающимся и нѣжной дружбой къ людямъ, удостоившимся его близости. «На то Богъ насъ и поставилъ, писалъ Царь къ князю Одоевскому, чтобы безпомощнымъ помогать». При дворцѣ его жили разные старики - богомольцы на царскомъ иждивеніи; по праздникамъ для бѣдныхъ и нищихъ Царь устраивалъ кормы, или обѣденные столы. Въ пасху и другіе великіе праздники Алексѣй Михайловичъ самъ отправлялся въ тюрьмы и здѣсь однихъ освобождалъ изъ заключенія, другимъ раздавалъ деньги, пищу и одежду. Онъ старался оказывать свою милость и тѣмъ, кто навлекли на себя его гнѣвъ и опалу и всячески облегчаль ихъ положеніе.

Особенно трогательны письма его къ ближнимъ людямъ, когда они впадали въ несчастіе. Приведемъ одинъ примѣръ: князь Одоевскій лишился первенца - сына, умершаго отъ горячки. Государь написалъ ему большое утѣшительное посланіе. Въ немъ съ сердечной отзывчивостью дѣлитъ онъ скорбь отца и говоритъ: «тебѣ нельзя не поскорѣть, и не поплакать». Но предостерегаетъ его отъ скорби чрезмѣрной, указывая на то, что Господь взялъ сына его въ свои небесныя обители; обѣщаль усилить свою милость царскую ему и дѣтямъ его, собирается самъ въ молитвахъ своихъ поминать новопреставленнаго; вспоминаетъ о симпатичномъ характерѣ покойнаго, «какъ онъ съ любовью и радостью подарилъ своему Государю прекраснаго темносѣраго коня, и какъ онъ не могъ отказаться принять этотъ подарокъ».

Онъ всю жизнь свою искалъ дружбы и горячо и крѣпко привязывался не только къ своей семьѣ, но и къ людямъ чужимъ. Шестнадцатилѣтній царь былъ сперва сильно привязанъ къ своему воспитателю боярину Морозову, затѣмъ къ «собиинному другу душевному и тѣлесному» — патріарху Никову, подъ конецъ жизни

къ Ордыну-Нащокину, Ртищеву и боярину Матвѣеву. Эти привязанности открывали пути для вліянія на него, даже дѣлали изъ его друзей временщиковъ, но не подавляли до конца его самостоятельности, не дѣлали его орудіемъ другихъ людей. Когда Никонъ—другъ Государя, его совѣтникъ, его собесѣдникъ, которому онъ довѣрялъ управленіе государствомъ въ свое отсутствіе, котораго надѣлили титуломъ «великаго государя», проявилъ стремленіе идти противъ его воли и присваивалъ себѣ государеву власть, тишайшій Царь безповоротно повергъ въ опалу этого сильнаго умомъ и волей человѣка, вліянію котораго казалось нѣтъ предѣловъ.

Царскій охотничій поѣздъ. В. М. Васнецова.

Алексѣй Михайловичъ имѣлъ высокое понятіе о своей Царской Самодержавной власти и не допускалъ ея умаленія ни съ чьей стороны. Ограждаемая глубокой преданностью народа, она, послѣ покушеній на нее въ смутное время, ограждена была еще при Алексѣѣ Михайловичѣ законодательными постановленіями въ Соборномъ его Уложеніи, каравшими грозными наказаніями преступленія противъ Государя, совершаемыя дѣломъ ли, или словомъ.

Юрій Крижаничъ въ своихъ сочиненіяхъ, читавшихся «наверху» у Государя, такъ говорилъ объ его царской власти: «въ

твоихъ рукахъ, Царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, — въ твоихъ рукахъ Самодержавіе, — совершенная покорность и послушаніе подданныхъ... Превосходство царскаго самодержавія Крижанпчъ видить въ томъ, что Самодержавный Государь можетъ лучше всѣхъ исправлять пороки и дурныя обычаи въ своемъ государствѣ. При этомъ онъ указываетъ на безурядицы Польши, гдѣ не было единства и крѣпости власти государевой. гдѣ столько маленькихъ королей, сколько пановъ на сеймѣ.

Печать Царя Алексѣя Михайловича.

Сознавая значеніе своей власти, Царь Алексѣй Михайловичъ энергически, какъ живой силой, пользовался ею на благо своего государства и своего народа. При своей мягкости и добротѣ, онъ грозно направлялъ ее противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Онъ укротилъ много мятежей до огромнаго бунта Стеньки Разина включительно. Изъ-за присоединенія Малороссіи онъ началъ наступательную войну съ Польшей, самъ, какъ верховный вожь, сталъ во главѣ своихъ войскъ и отнялъ у поляковъ цѣлый рядъ городовъ, начиная съ Смоленска и Вильны. Совершенствуя по западнымъ образцамъ наше сухопутное войско, устраивая солдатскіе полки уже не изъ наемниковъ, а изъ русскихъ людей, Алексѣй Михайловичъ, по совѣту Ордынъ-Нащокина, задумалъ завести флотъ на Балтійскомъ морѣ, для чего воевалъ со шведами и осаждалъ Ригу, а послѣ неудачи въ этой

войнѣ обратилъ вниманіе на Каспійское море и думалъ о заведеніи тамъ флота. Въ Дѣдиновѣ былъ построенъ для Каспійскаго моря большой корабль, за 9.000 р. (100.000 на наши деньги), именованный «Орломъ», но этотъ первенецъ русскаго флота былъ сожженъ Стенькой Разинымъ на Волгѣ.

Много занимался онъ финансовыми и экономическими дѣлами. Не мало заботился о насажденіи у насъ промышленности, въ особенности металлическаго производства. Тагъ, близъ Соликамска и Олонца у насъ въ это время начинаютъ разрабатывать мѣдь,

Поставленіе въ царскіе сокольники.

и дѣлаются разысканія въ Сибири по части добыванія золота и серебра. Заводятся желѣзо-дѣлательные заводы близъ Тулы (Марселиса) и на рѣкѣ Протвѣ (Акемы). Здѣсь выдѣлывались листовое, полосовое и прутковое желѣзо, гвозди, мельничные снаряды, якоря, пушки, ядра и проч. Въ царскомъ селѣ Измайловѣ заведенъ былъ прекрасный стеклянный заводъ, посуда его очень славилась, и отличные ея образцы вы можете видѣть въ Оружейной палатѣ.

Одаренный художественнымъ вкусомъ, Царь Алексѣй Михайловичъ поощрялъ русское искусство: въ его время настала лучшая пора для нашего зодчества и живописи. Развивая сказав-

шіяся въ постройкѣ храма Василія Блаженнаго русскія само-бытныя черты, наша архитектура дала въ это время много прекрасныхъ храмовъ (въ родѣ Рождества въ Путинкахъ, Грузинской Божіей Матери, Останкинскаго и др.), и чудный дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, дивный образецъ художественнаго само-бытно-русскаго зодчества. Его оригинально сведенныя чешуйчатыя крыши, изящныя башенки, удивительныя крыльца, причудливыя окна, узорчатая рѣзба, разноцвѣтная раскраска и позолота восхищали иностранцевъ. Великій грѣхъ — слишкомъ увлекавшагося западомъ 18-го вѣка, что онъ допустилъ разрушиться этому чудному образцу русскаго искусства.

Никогда въ Москвѣ не работало столько живописцевъ, сколько при поощравшемъ ихъ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Особенно выдѣлялся изъ нихъ Симонъ Ушаковъ, который внесъ въ русскую иконопись перспективу, живость красокъ и естественность положеній, соединяя все это съ строгимъ византійскимъ стилемъ. Произведенія его кисти вы можете видѣть въ Москвѣ въ церкви Грузинской Божіей Матери. Послѣ него осталось описаніе, сдѣланное при Алексѣѣ Михайловичѣ стѣнной росписи Грановитой Палаты. Рукопись эта была найдена въ царствованіе Императора Александра III — и этотъ Царственный Любитель всего чисто-русскаго, а въ особенности древне-русскаго искусства, повелѣлъ при помощи кустарей—живописцевъ села Палехи росписать Грановитую Палату такъ, какъ она была разрисована при его царственномъ предѣѣ.

Сознавая свое царское величіе, Алексѣй Михайловичъ окружалъ себя необычайнымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Приемы иностранныхъ пословъ, богомольные царскіе выходы въ праздники, крестные ходы, торжественные обѣды его, громадныя выѣзды на охоты отличались величавымъ изяществомъ и блескомъ. Въ этомъ отношеніи Русскій Царь не уступалъ знаменитому своему современнику, французскому королю Людовику XIV. «Дворъ Московскаго Государя, писалъ въ то время англичанинъ Карлейль, такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что едва ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который превосходилъ бы московскаго».

Посвящая много труда важнымъ дѣламъ государственнаго управленія, онъ въ часы отдыха любилъ тѣшиться охотою въ разныхъ ея видахъ. Надъ великимъ прудомъ въ пригородномъ селѣ царскомъ Напрудскомъ, гдѣ стоитъ древній храмъ св. Три-

фона-Соколышка, онъ охотился съ соколами и кречетами за водяной или мокрой птицей, въ Сокольникахъ за верховой, въ Лосиномъ островѣ за лосями, въ Измайловѣ за зайцами, а то предпринималъ и далекія охоты на волковъ и медвѣдей. Ловчая часть двора получила теперь сильное развитіе. Особенно онъ любилъ соколиную охоту, держалъ большое количество соколовъ

Соколыничій.

и кречетовъ и значительный штатъ сокольниковъ. Для нихъ онъ написалъ особый уставъ или «Урядникъ соколыничьяго пути». Здѣсь онъ называетъ ее «красною и славною птичьей охотой», ибо, говорилъ Алексѣй Михайловичъ, «красносмотрителемъ и радостенъ высокаго сокола летъ». Государь, съ увлеченіемъ охотника, поэтически описывалъ въ письмахъ свои удачи охотничьи.

Такъ въ одномъ письмѣ 1657 года онъ описываетъ, какъ весною 10 апрѣля поѣхалъ онъ отвѣдывать птицу на добычахъ и между Сушевымъ и Напруднымъ наѣхалъ прыскъ (мѣсто, залитое вешней водой); тамъ были утки многія, шилохвосты и чирята; пустили на нихъ одного сокола, онъ высоко взмылъ, но не спустился на дичь; пустили другого — Дикомыта; онъ къ радости охотниковъ добылъ хорошую добычу и потѣшилъ всѣхъ хоро-

Другой сокольникъ.

шимъ летомъ». Въ другомъ письмѣ къ ловчему Матюшкину Алексѣй Михайловичъ выражаетъ радость, что улетѣвшаго изъ Москвы сокола поймали около Рязани, и приписываетъ: «я теперь кладуся на васъ во всемъ, — какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ, и вы меня не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепоротъ; а если убережете;

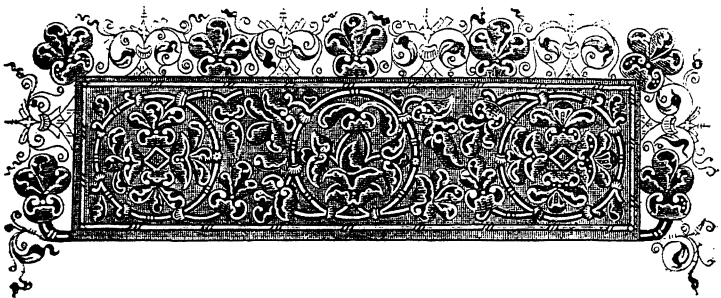
всѣхъ милостиво пожалую и сокольниковъ тоже. Любилъ охотиться Царь и на волковъ и на медвѣдей, на которыхъ ходилъ

Завѣтъ охотникамъ.

одинъ на одинъ съ рогаминою, при чемъ иногда испытывать смертныя опасности, какъ напр. подъ Саввинымъ—Звенигородскимъ монастыремъ.

5.

Законодательная дѣятельность Алексѣя Михайловича и Соборное Уложение.— Малороссія и ея судьбы подъ польскимъ владычествомъ.—Богданъ Хмѣльницкій и борьба казаковъ съ Польшей.—Трактаты зборовскій и бѣлоцерковскій.—Присяга Малороссіи на подданство Царю.—Войны съ Польшей и Швеціей.

рошлый разъ, характеризую личность царя Алексѣя Михайловича, мы намѣтили главнѣйшія стороны его царствованія. Теперь переходимъ къ подробному изложенію дѣяній этого примѣчательнѣйшаго Русскаго Государя.

Мы говорили, что его законодательная дѣятельность выразилась изданіемъ Соборнаго Уложенія, такого законодательнаго сборника, который болѣе широкимъ, чѣмъ въ Судебникахъ, обхватомъ обнялъ всѣ стороны государственной жизни, и равнозначительный которому явился лишь при Императорѣ Николаѣ I въ видѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Составленіе его вызвано было тѣмъ, что Судебникъ Царя Іоанна IV и послѣдовавшіе за нимъ указы государей и Судебникъ Θεодора Іоанновича были недостаточны для того, чтобы направлять судъ и другія стороны государственной жизни.

Между тѣмъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ правленіе бояръ Морозова и Милославскихъ, было не мало безпорядковъ въ управленіи, вызывавшихъ даже народныя волненія, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Молодой Царь (19 лѣтъ) самъ принялся за дѣла правленія и по его личному указанію было рѣшено составить новое уложеніе, а для этого вы-

Царь Алексѣй Михайловичъ. Со старинной гравюры.

брать пригодныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, изъ прежнихъ московскихъ судебниковъ, также изъ указовъ прежнихъ государей и приговоровъ думы царской, а по вопросамъ, на которые не отвѣчало прежнее законодательство, составить новыя поста-

новленія. Эта работа въ 1648 году была поручена особой комиссіи изъ 5 членовъ (бояръ-князей Одоевскаго и Прозоровскаго, окольниковъ князя Волконскаго и двухъ думныхъ дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова). Приказы въ своихъ «указныхъ книгахъ» для этого дали много матеріала. Выработанный проектъ представленъ былъ «въ докладъ» Государю, и онъ въ боярской думѣ рассмотрѣлъ его. По повелѣнію Государя, созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ, на который явились выборные 150 городовъ и уѣздовъ. Служилыхъ людей на собраніи было 150 человекъ и 100 посадскихъ. Имъ предоставлено было въ своихъ челобитныхъ заявить о своихъ нуждахъ, въ виду коихъ были сдѣланы дополненія и измѣненія въ проектъ. Онъ былъ прочитанъ и утвержденъ Государемъ, и было приказано высшему духовенству, всѣмъ думнымъ и выборнымъ людямъ, т. е. всему собранію, подписать Уложеніе, почему оно и было названо «Соборнымъ». Въ началѣ 1649 года оно было напечатано и разослано по приказамъ столицъ и по городамъ въ воеводскія управленія, чтобы всякія дѣла дѣлались по тому уложенію.

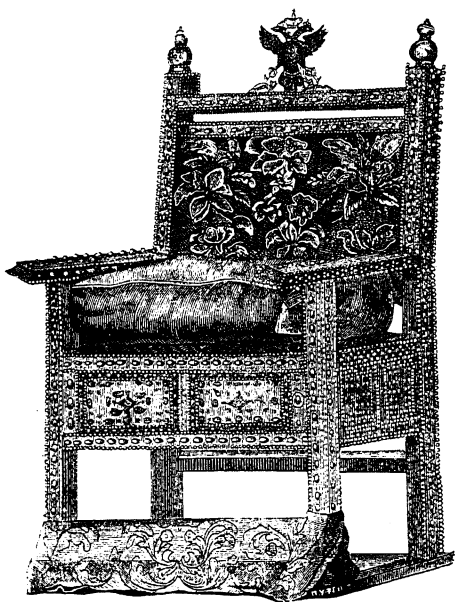
Оно гораздо обширнѣе судебниковъ, которые главнымъ образомъ устанавливали наказанія за уголовныя преступленія и порядокъ судопроизводства. Уложеніе же Царя Алексѣя Михайловича устанавливаетъ наказанія и за преступленія государственныя и церковныя, касается администраціи и сословій, напр. приказовъ, служилаго и тяглыхъ сословій. Оно состоитъ изъ 25 главъ, раздѣленныхъ на 1000 почти статей.

Въ первой главѣ говорится о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ. (За богохульство, буде про то сыщется допряма, полагается сожженіе; безчинство въ церкви, дошедшее до остановки литургіи, карается смертью). Во второй главѣ говорится о государевой чести и какъ государево здоровье оберегать. Смертная казнь назначается злоумышленникамъ на жизнь Государя, измѣнникамъ, бунтовщикамъ и т. п. Даже неуважительныя слова о Царскомъ Величествѣ наказывались тяжкими карами. Очевидно, смутное время сдѣлало необходимыми эти дополненія, какія были излишни въ прежнемъ писанномъ законодательствѣ Москвы.

Вообще Уложеніе установило болѣе суровыя, чѣмъ прежде, наказанія за преступленія, каковы залитіе горла растопленнымъ

металломъ фальшивымъ монетчикамъ, зарываніе живой жены за убійство своего мужа и т. д.

Оно расширило власть воеводъ, устранило участіе въ судѣ и управленіи выборныхъ людей, какими были прежде губные старосты, излюбленные головы, земскіе старосты. Учрежденіемъ монастырскаго приказа нѣкоторые виды суда и имущественнаго управленія изъяты изъ церкви въ сферы государственныхъ. Прикрѣпило посадскихъ людей къ городскимъ общинамъ:

Тронъ Царя Алексѣя Михайловича.

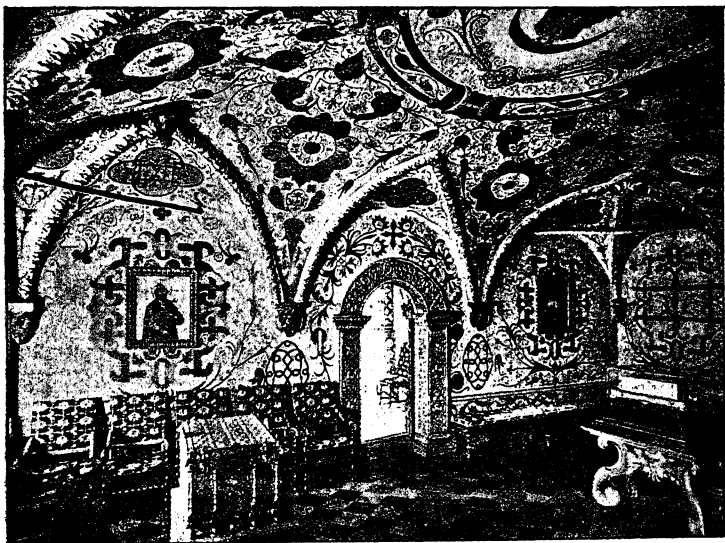
усилило крѣпостное право, дозволивъ помѣщикамъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и послѣ 10-лѣтней давности. Но оно облегчало положеніе купечества, сокративъ количество внутреннихъ пошлинъ. Иностранные же купцы были обложены пошлинами, и у нихъ отнята розничная продажа внутри Россіи. Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича было чрезвычайно обильно законами. Съ 1649 по 1675 годъ было издано имъ 600 слишкомъ указныхъ статей. Поэтому князь Яковъ Долгорукій былъ правъ, имѣя въ виду законодательство, сказать Императору Петру I: «въ иномъ дѣлѣ отецъ болѣе, чѣмъ ты, хвалы и благодарности достоинъ».

Особую важность имѣть совершенное Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ возвращеніе государству всея Руси Малой и Бѣлой Руси отъ Польши. Вы помните, что это королевство, владѣя многими русскими землями, въ смутное время задумало присоединить къ себѣ и все государство Московское, всю Великую Русь, когда старалось посадить на русскомъ престолѣ сперва королевича Владислава, а потомъ самого короля Сигизмунда III. Если бы Богъ попустилъ этому совершиться, то не было бы во всей Руси, восточной и западной, ни православія, ни самой народности русской. Но это не сбылось, и Россія, въ царствованіе второго государя изъ дома Романовыхъ, уже идетъ на Польшу, чтобы отобрать отъ нея исконно-русскія земли Св. Владиміра.

Напомню вамъ, когда и какъ они подпали подъ польское владычество. Южная кіевская Русь, не слѣдовавшая единодержавнымъ стремленіямъ сѣверо-восточной (при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III), послѣ страшнаго разгрома татаръ, не оправилась и потомъ очутилась въ такомъ положеніи, что легко подпала подъ власть Литвы и Польши. Въ то время, какъ московскіе князья собирали сѣверо-восточную Русь подъ своею единою властью, литовскіе князья, сидѣвшіе въ Вильнѣ, какъ Гедиминъ, Ольгердъ и Витовтъ, присоединили къ своему литовскому княжеству земли кіевскія, чернигово-сѣверскія, волинскія и подольскія; а поляки присвоили себѣ Червонную Русь или Галицію.

Но власть Литвы, племени не славянскаго, мало образованнаго, не была тяжка для русскихъ юга и запада. Подъ вліяніемъ болѣе образованныхъ русскихъ среди литовцевъ быстро распространялись русскіе языкъ, обычаи и наше православіе. Литовскіе князья писали свои грамоты и законы на русскомъ языкѣ, и, казалось, вся Литва обрусѣетъ, приметъ православіе и сольется съ русскимъ народомъ. Но этому помѣшала Польша. Когда въ ней прекратилась ея старинная династія Пястовъ, поляки послѣднюю представительницу ея, королеву Ядвигу, выдали замужъ за брата Витовтова Ягелло съ тѣмъ, чтобы онъ и его потомки были королями Польши и вмѣстѣ великими князьями Литвы и Западной Руси. Такимъ образомъ, Ягеллоны соединили въ своихъ рукахъ два большихъ государства—литовско-русское и польское, и ихъ владѣнія простирались отъ моря и до моря (отъ Чернаго до Балтійскаго). Ягеллоны, сдѣлавшись государями и Польши, отшатнулись отъ восточной Россіи и подпались влія-

нію первой, принявъ ея вѣру католическую и обычаи. Въ Литвѣ и Западной Руси стало по другому: знать литовская и русская стали окатоличиваться и ополячиваться. Вѣдь, предки западно-русскихъ бояръ Вишневецкихъ, Мнишковъ, Чарторыйскихъ и проч. были русскими и православными, а потомъ уже стали заядлыми католиками и поляками. Точно также и литовскіе магнаты, прежде сильно русѣвшіе, какъ Радзивиллы, Пацы и другіе, тоже окатоличились и ополячились. Но пока царствовали въ Польшѣ и Литвѣ литовцы, по происхожденію Ягеллоны,

Крестовая палата въ терезахъ.

русскіе подъ ихъ властью еще не подвергались отъ поляковъ гоненіямъ за свою вѣру и народность.

Не то стало, когда при послѣднемъ Ягеллонѣ Сигизмундѣ Августѣ, на сеймѣ изъ представителей отъ Польши, Литвы и Западной Руси, въ городѣ Люблинѣ въ 1569 году, постановили соединить навсегда, связать уніей, всѣ эти три народности въ одно государство подъ властью выборнаго, конституціоннаго короля: дѣла законодательства и высшаго управленія поручались общему для всѣхъ земель сейму и сенату, въ своемъ соединеніи парламенту. Съ этого времени польское давленіе въ западной Руси возросло чрезвычайно. Но такъ какъ государственное соединеніе безъ

религіозно-церковнаго не было прочнымъ, то при Стефанѣ Баторіи и особенно Сигизмундѣ III рѣшено было подѣ влияніемъ католическихъ монаховъ-іезуитовъ обращать православно-русскихъ въ католическую вѣру, чтобы скорѣе лишить ихъ русской народности и ополячить. Такъ какъ народъ русскій крѣпко стоялъ за свою вѣру православную, то рѣшено было хитростью завлечь его въ ограду католичества, придумали соединеніе православныхъ съ католиками на томъ условіи, чтобы они признали власть папскую надъ своею церковью, сохранивъ ея особенности до времени въ богослуженіи, устройствѣ и т. д. Загоня русскихъ въ унію, начали преслѣдовать православныхъ: у нихъ отнимали церкви и обращали ихъ въ костелы, обижали духовенство православное, насильственно обучали русскихъ дѣтей въ католическихъ школахъ и обращали ихъ въ католичество; русскіе-православные не могли найти защиты и правосудія у поляковъ-католиковъ. Въ числѣ гонимаго русскаго духовенства тогда возникла мысль, правда, невѣрная, не лучше ли будетъ, когда они подчинятся папѣ? И вотъ малодушные епископы въ юго-западной Руси, Кирилль Терлецкій въ Луцкѣ на Волыни и Ипатій Поцей (владиміро-волинскій), съ согласія слабохарактернаго Михаила Рагозы, митрополита кіевского, отправились въ Римъ и заявили, что западно-русская церковь подчиняется папѣ, принимаетъ унію. Но эти первые уніаты составляли меньшинство въ духовенствѣ и противъ нихъ шелъ народъ. Созванъ былъ въ 1595 году соборъ въ Брестѣ, и здѣсь православные отлучили отъ церкви уніатовъ, рѣшаясь быть строго вѣрными православію. Не смотря на это, поляки поддерживали уніатовъ и, загоня въ унію духовенство и народъ, еще сильнѣе подвергали православныхъ гоненіямъ: у нихъ для уніатовъ отбирали церкви; въ православныхъ храмахъ не позволяли кѣ Божіей службѣ звонить въ колокола, выходить изъ нихъ крестнымъ ходомъ; отдавали въ аренду православные храмы евреямъ, и имъ приходилось платить за каждую службу, за похороны умершаго, за крещеніе младенца; нерѣдко православные уходили въ поле для совершенія богослуженія. Но чаша терпѣнія народнаго переполнилась, и духъ народа, какъ и у насъ въ междуцарствіе, воспрянулъ на защиту своей вѣры и національности русской. При этомъ подъемѣ національнаго духа, нравственную защиту русскихъ началъ взяли на себя церковныя братства, а защиту оружіемъ—казаки днѣпровскіе.

Братства—это общества, слагавшіяся вокругъ того или другаго храма, для его поддержанія и укрѣпленія братчиковъ въ православіи, для обученія дѣтей, для помощи бѣднымъ и устройства школъ, для заведенія типографій и печатанія книгъ. Они стали могущественнымъ орудіемъ для охраны православія и русской народности отъ воинствующихъ католичества и польщизны. Изъ такихъ братствъ особенно выдвигались кievское-богоявленское, виленское-свято-духовское и львовское въ Чер-

Казачій кругъ.

вонной Руси. Кіевское братство учредило у себя школу, преобразованную митрополитомъ Петромъ Могилой въ академію, по образцу высшихъ западно-европейскихъ школъ, какія заведены были и въ Польшѣ и сдѣлались орудіемъ для пропаганды католичества. Въ кievской академіи изучались латинскій и греческій языки, словесность, философія и богословіе. Отсюда выходили образованные пастыри церкви и другіе борцы, которые и устнымъ и печатнымъ словомъ защищали русскую вѣру и народность.

Но такими нравственными средствами церковь не въ силахъ была спасти своихъ дѣтей отъ польско-католическихъ насилій; когда гнетъ ихъ становился невыносимъ, поднимали противъ поляковъ свое оружіе казаки городовые и въ особенности вольные, жившіе за днѣпровскими порогами — казаки запорожскіе. Въ XVII вѣкѣ мы видимъ въ юго-западной Руси цѣлый рядъ такихъ казацкихъ возстаній за вѣру и народность Руси, какъ, Острианицы, Павлюка, Тараса и друг. Но они были погашены Польшею въ крови возставшихъ. Не удалось погасить только то, которое началось при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго.

Онъ не принадлежалъ къ простымъ бѣднымъ казакамъ: воспитанникъ кievской академіи, онъ былъ образованъ и зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, владѣлъ хорошимъ хуторомъ, былъ добрымъ воиномъ и отличался храбростью въ походахъ противъ турокъ и крымцевъ и настолько выдался, что сдѣлался въ казачьемъ войскѣ вторымъ лицомъ послѣ ихъ главнаго начальника гетмана—войсковымъ писаремъ. Но польскій подстароста въ Чигиринѣ панъ Чаплинскій, не смотря на все это, сдѣлалъ насильственное нападеніе—заѣздъ на его хуторъ Субботово, сжегъ его усадьбу, увезъ жену и засѣкъ его сына-мальчика. Хмѣльницкій долго и терпѣливо пытался найти у поляковъ управу на ихъ соотечественника, но напрасно: не только низшія польскія власти, но и сеймъ и сенатъ приняли сторону поляка, а не русскаго; король же Владиславъ IV, видя, что со своей ограниченной властью онъ не въ силахъ постоять за правду, намекнулъ Хмѣльницкому, что у казаковъ есть сабли. Тогда тотъ окончательно убѣдился, что для русскаго народа нѣтъ иного спасенія, какъ силою оружія выбиться изъ тяжелой польской неволи. Онъ поднялъ противъ поляковъ запорожскихъ и городовыхъ казаковъ, духовенство и крестьянъ (гайдамаки) и склонилъ крымцевъ помогать Малороссіи. Страшныя пораженія нанесъ онъ польскому коронному гетману Потоцкому близъ Днѣпра при Желтыхъ водахъ и Корсунѣ. Когда умеръ Владиславъ, и настало безкоролевье, одержалъ новую побѣду надъ польскими войсками и двинулся на самую Польшу и окружилъ и разбилъ войска новоизбраннаго короля Яна-Казимира подъ Зборовомъ въ Галиціи. Тотъ долженъ былъ заключить съ Малороссіей зборовскій трактатъ, по которому поляки обязались не тѣснить въ Малороссіи православной вѣры, не вво-

дять тамъ уніи, не посылать туда для управленія поляковъ, позволили казакамъ самимъ избирать себѣ гетмана и обязались дать мѣсто въ польскомъ сенатѣ; наравнѣ съ католическими епископами, кievскому митрополиту. Число реэстровыхъ, т. е. признанныхъ Польшей и записанныхъ въ реэстръ, казаковъ было опредѣлено въ 40.000. Но зборовскій трактатъ былъ только краткосрочнымъ перемиріемъ. Хмѣльницкій не могъ держаться реэстра и воз-

Богданъ Хмѣльницкій.

вратить ставшихъ казаками крестьянъ въ крѣпостную зависимость отъ польскихъ пановъ. И поляки съ своей стороны не исполняли своихъ обязательствъ, какъ, напр., не дали мѣста въ своемъ сенатѣ русскому митрополиту. Возгорѣлась новая война, несчастливая теперь для казаковъ. Они были разбиты подъ Берестечкомъ, потому что крымскій ханъ покинулъ ихъ въ самое критическое время: пришлось подписать новый трактатъ въ Бѣлой церкви, на половину уменьшившій условія зборовскаго трактата: число реэст-

ровыхъ казаковъ уменьшено было до 20.000. Казалось, возвращаются для Малой Россіи старыя тяжкія времена. Но оставался еще выходъ изъ польской неволи, къ которому съ надеждой обращались малороссы еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, — отдаться въ подданство русскому царю. Въ 1653 году казаки снарядили посольство въ Москву къ Алексію Михайловичу бить ему челомъ, чтобы онъ принялъ Малую Русь подъ свою высокую Царскую руку. Государь всея Руси не могъ отказать въ этомъ и отправилъ свое посольство, съ бояриномъ Бутурлинымъ во главѣ, въ Малороссію, чтобы привести казаковъ къ присягѣ на подданство.

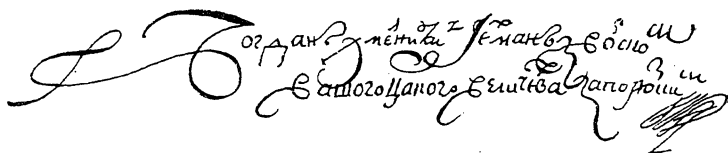
Въ началѣ слѣдующаго года Хмѣльницкій созвалъ въ Переяславѣ казацкую раду; собралось огромное множество народа.

Сѣкира Хмѣльницкаго.

Громко зазвучали здѣсь слова вождя казаковъ: «панове-полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское! и все православные христіане! Вѣдомо всѣмъ вамъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, тѣснившихъ церковь Божию, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ мы живемъ безъ государя въ непрерывныхъ браняхъ и кровопролитіи съ гонителями и врагами нашими, жаждущими поскорѣннѣ насъ и церковь Божию, чтобы и самое имя русское не поминалось въ землѣ нашей... Мы видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ Царя. Мы созвали сегодня раду, чтобы вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого хотите. Первый — султанъ турецкій, второй — ханъ крымскій, третій — король польскій, четвертый — Православный Государь Великой.

Россіи, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси Самодержецъ, котораго уже шесть лѣтъ умоляемъ быть нашимъ государемъ и повелителемъ. Указавъ на то, что первые два — басурмане, и какъ много подъ властью польскаго, латынскаго вѣры, короля страдали православные русскіе люди, Хмѣльницкій сказалъ: «а православный христіанскій Государь, Царь восточный, единаго съ нами благочестія, греческаго закона... Онъ теперь свое милостивое царское сердце склонилъ къ намъ, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостью своею прислать изволилъ. Кромѣ его царской высокой руки благодѣйшаго пристанища не обрящемъ! Кто же съ нами не согласенъ, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ,—вольная дорога». Въ отвѣтъ на это раздались одушевленные клики народа: «возлюбимъ подъ Царя восточнаго православнаго. Лучше намъ умереть въ своей благочестивой вѣрѣ»... Одинъ казачій полковникъ сталъ обходить

Подпись Богдана Хмѣльницкаго.

площадь кругомъ и спрашивалъ во всѣ стороны: «чи вси такъ соизволяете?» «Вси», кричали отовсюду народъ. Тогда гетманъ крикнулъ во всю площадь: «буди тако. Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою». Народъ вторилъ: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки всѣ были едино». Всѣ съ радостью присягали на подданство православному царю.

Алексѣй Михайловичъ былъ бы не вѣрнопреданіямъ нѣкогда единой Руси и завѣтамъ московскихъ ея собирателей, если бы не принялъ подъ свою высокую царскую руку отторгнутую литовско-польскимъ государствомъ отъ великой Россіи малую Русь: вѣдь, онъ слѣдовалъ тому, что нѣкогда государь всея Руси Іоаннъ III говорилъ: «не не то одна наша вотчина, кои города нынѣ за нами, а вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ предковъ пошла».

Но, воссоединивъ малую Русь съ великой, царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ изъ-за этого вести двѣ войны съ Польшей.

23 октября 1653 года Царь Алексѣй Михайловичъ въ Успенскомъ соборѣ объявилъ: «Мы, великій государь, положи упованіе на Бога, на Пресвятую Богородицу и на московскихъ Чудотворцевъ.... изволили идти на недруга своего короля польскаго». Въ слѣдующемъ году начались отпуски ратныхъ отрядовъ изъ Москвы на войну. Свидѣтельства того времени даютъ намъ наглядныя о нихъ представленія. Вотъ что, напр., происходило по этому случаю въ нашемъ Кремлѣ, 17 марта 1654 года. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ патріархъ Никонъ. На ней присутствовалъ самъ государь съ ближними боярами, а государыня стояла за занавѣскою на своемъ царицыномъ мѣстѣ, около котораго расположились боярыни. Послѣ напутственнаго молебна воеводы, принявъ благословеніе отъ патріарха, прикладывались къ образамъ. Царь передалъ патріарху наказъ воеводамъ, а онъ положилъ его въ кіотъ Владимірской Богоматери и, вручая его воеводамъ, сказалъ въ рѣчи своей, между прочимъ: «идите радостно и дерзостно за святые церкви, за благочестиваго Государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безъ всякаго преткновенія». При выходѣ изъ собора Государь пригласилъ воеводу и бояръ къ себѣ—«хлѣба ѣсти», за обѣдомъ говорилъ имъ наставительную рѣчь и заповѣдалъ, чтобы они въ Петровъ постъ исповѣдывались и причастились святыхъ таинъ. Воевода князь Трубецкой первый былъ долженъ подойти къ рукъ Государя; но онъ прижалъ его голову къ груди, а тотъ много разъ поклонился Царю въ землю. Затѣмъ Государь вышелъ въ сѣни Грановитой палаты къ ратнымъ людямъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и объяснилъ имъ, за что начинается война и что онъ самъ идетъ на нее. Раздались клики, что всѣ готовы сложить головы за Государя и православное христіанство. Царь былъ растроганъ до слезъ....

Какъ только онъ прибылъ къ осажденному Смоленску, стали приходить вѣсти, что сдались нашимъ воеводамъ старые русскіе города—Могилевъ, Полоцкъ и Витебскъ; сдался и Смоленскъ, а польскіе воеводы должны были склонить свои знамена предъ Русскимъ Царемъ. Въ слѣдующемъ 1654 году русскіе взяли столицу Литвы Вильну, а также Ковно и Гродно. Богданъ Хмѣльницкій съ казаками вытѣснилъ поляковъ изъ Червонной Руси. Король шведскій Карлъ X началъ войну съ Польшей и взялъ Варшаву, Краковъ и Познань, главные ея города, а король Янъ

Казиміръ бѣжалъ въ Силезію. Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя литовскаго. Для Польши, повидимому, наступало подобное нашему «лихолѣтью» время; но для Россіи не было выгоды отъ усиленія Швеціи на счетъ Польши, а Австріи—такое

Памятникъ Хмѣльницкому въ Кіевѣ.

же усиленіе Россіи; и царь Алексѣй Михайловичъ далъ Польшѣ перемиріе на вѣсколько лѣтъ, при чемъ поляки обѣщали по смерти Яна Казимира избрать его въ короли польскіе. Торжественна была встрѣча Государя въ Москвѣ. Духовенство съ патріархомъ

во главѣ и бояре выступили на край города. При колокольномъ звонѣ и выстрѣлахъ изъ пушекъ, отнятыхъ у поляковъ, шелъ по городу Царь, поддерживаемый боярами. На Красной площади онъ велѣлъ съ Лобнаго мѣста спросить народъ объ его здоровьѣ. Массы, покрывавшія огромныя пространства, упали на колѣни и прокричали: «многія лѣта Царю-Государю».

Въ 1656 году объявлена была война шведамъ, и самъ Царь двинулся въ походъ. Алексѣй Михайловичъ думалъ утвердиться навсегда въ завоеванныхъ областяхъ вплоть до Балтійскаго моря.

Ордынъ-Нашокинъ.

Когда былъ взятъ Динабургъ, онъ построилъ здѣсь церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба и переименовалъ городъ въ Борисоглѣбовъ, а взятый затѣмъ Кокенгузенъ названъ былъ, по имени Царевича Димитрія, Царевичевымъ—Дмитріевымъ городомъ. Осаждены были Рига и Шлиссельбургъ и такимъ образомъ намѣчены были завоеванія отъ устья Западной Двины до рѣки Невы, и взятъ былъ Дерптъ (древній Юрьевъ); но съ того времени остановились наши успѣхи; вслѣдствіе этого, а отчасти и смуть въ Малороссіи, пришлось прекратить войну и заключить миръ въ 1661 году въ Кардисѣ, по коему завоеванія были возвращены Швеціи.

Въ Малороссіи, по смерти Богдана Хмѣльницкаго, гетманомъ былъ провозглашенъ его юный сынъ Юрій, но до его совершеннолѣтія булава гетманская вручена была Выговскому, который измѣнилъ Россіи и тянулъ въ сторону Польши. Хотя онъ долженъ былъ бѣжать изъ Малороссіи, а Юрій Хмѣльницкій опять получилъ гетманство, но смуты не прекращались. Поляки, пользуясь этимъ, задумали возвратить себѣ сдѣланныя Царемъ за-

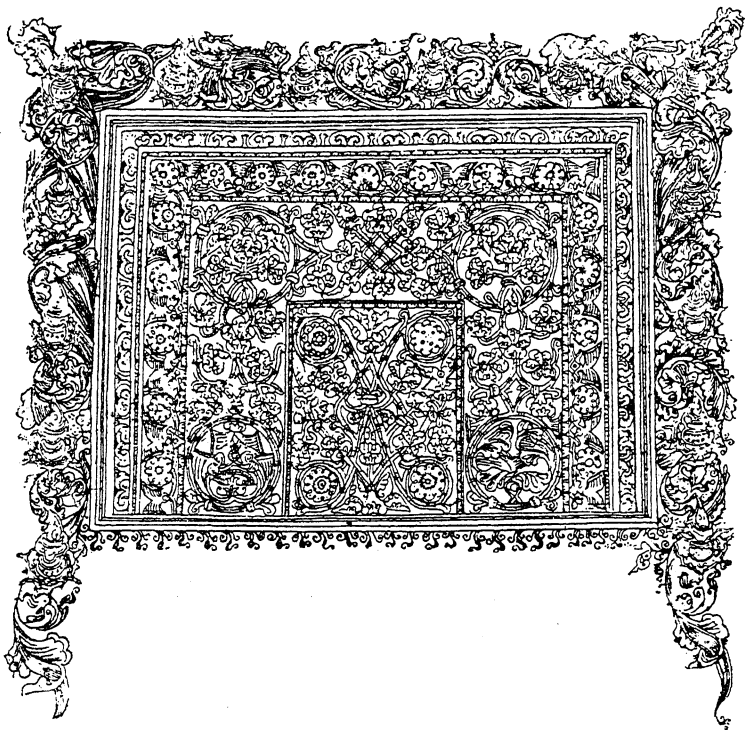

Богданъ Матафеевъ.

воеванія и стали враждовать противъ Россіи. Намъ пришлось вести вторую войну съ Польшей, отмѣченную нѣсколькими военными неудачами и измѣной намъ Юрія Хмѣльницкаго. Тогда обѣ стороны, утомленные войною, вступили въ переговоры о мирѣ, которые были ведены въ Андрусовѣ близъ Смоленска. Здѣсь начальникъ посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ въ 1667 году заключилъ мирный договоръ, по которому мы отказались отъ Литвы, но удержали за собой Бѣлороссію съ Смоленскомъ и Малую Русь на лѣвомъ берегу Дняпра. На правомъ же намъ былъ оставленъ на два года Кіевъ. Но мы не возвратили полякамъ эту «матерь городовъ русскихъ,—Руси чистую купель», на что далъ свое согласіе, уже въ правленіе царицы Софіи, польскій король Янъ-Собѣсскій.

6.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, патриархъ Никонъ, происхожденіе раскола, паденіе Никона.—Мятежныя движенія при Алексѣѣ Михайловичѣ и бунтъ Стеньки Разина.—Значеніе этого царствованія, какъ подготовительной ступени къ эпохѣ сближенія съ Западомъ.—Смерть Алексѣя Михайловича.

вѣтъ въ природѣ смѣняется тѣнью, а въ жизни радость печалью, такъ и въ исторіи нѣтъ эпохъ сплошь свѣтлыхъ: и здѣсь свѣтлыя событія смѣняются мрачными.

Много отрадныхъ картинъ мы видѣли въ царствованіе Тишайшаго Государа—Царя Алексѣя Михайловича, но и оно было омрачено смутами, какъ церковными, такъ и государственными.

Здѣсь прежде всего мы должны сказать о живущемъ до нашего времени церковномъ расколѣ старообрядчества. При Алексѣѣ Михайловичѣ часть духовенства и мірянъ отдѣлилась или

откололась от православной церкви потому, что не захотѣла принять правильно исправленныхъ церковною властью богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Но прежде, чѣмъ раскрыть вамъ происхожденіе раскола, я долженъ познакомить васъ съ патриархомъ Никономъ, совершавшимъ это исправленіе.

Этотъ примѣчательный историческій дѣятель происходилъ изъ крестьянской семьи нижегородской области и отличался большими дарованіями съ самаго дѣтства, которое однако протекло для него печально, вслѣдствіе жестокихъ притѣсненій мачехи. Не смотря на это, онъ выучился читать и писать и раз-

Царь Алексѣй Михайловичъ и Царица Марія Ильична. По Симону Ушакову.

вить свой природный умъ прилежнымъ чтеніемъ книгъ; 12 лѣтъ онъ уходитъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь и здѣсь удивляетъ своею набожностью и строгостью жизни самихъ иноковъ. Въ 20 лѣтъ его уговорили стать приходскимъ священникомъ близъ его родины. Но его величавая наружность, прекрасное служеніе и умъ привлекли къ нему любовь московскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Макарьевъ на ярмарку, и они уговорили его перейти въ Москву. Здѣсь онъ лишился своихъ дѣтей, убѣдилъ жену поступить въ монастырь и самъ принялъ монашество, смѣнивъ свое мірское имя Никиты на новое—монашеское Никона и поступивъ въ Анзерскій скитъ на Бѣломъ морѣ;

въ Кожеезерскомъ монастырѣ онъ былъ избранъ за свою строгую жизнь въ игумены, а въ свой прїѣздъ въ Москву сталъ лично извѣстять царю Алексѣю Михайловичу, который полюбилъ его, сдѣлалъ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря и приказалъ ему каждую недѣлю по пятницамъ являться къ нему во дворецъ для духовныхъ бесѣдъ. Добрый Государь поручилъ ему дѣла своей личной благотворительности, а Никонъ сталъ печаловаться предъ Царемъ за всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ. Значеніе Никона стало очень важнымъ, и патріархъ по волѣ государевой назначилъ его митрополитомъ новгородскимъ, который считался въ нашей церкви вторымъ лицомъ послѣ патріарха. Здѣсь Никонъ, кромѣ ревностныхъ архипастырскихъ трудовъ своихъ, отличился еще угроженіемъ мятежа. Подбитые смутянами новгородцы, по поводу договорной уплаты шведамъ хлѣбомъ и деньгами, подняли бунтъ, съ которымъ не справился воевода. Тогда Никонъ предалъ мятежниковъ анаемѣ, но они на площади избили митрополита, а онъ, отслуживъ литургію, крестнымъ ходомъ двинулся въ тотъ новгородскій конецъ, гдѣ кипѣлъ главный мятежъ, и своей твердостью и увѣщаніями убѣдилъ прекратить бунтъ, чѣмъ еще больше поднялъ расположеніе къ себѣ Государя. Въ 1652 году ему было поручено привезти въ Москву мощи св. митрополита Филиппа, а когда умеръ патріархъ Іосифъ, ему было предложено патріаршество; но онъ отъ этого отказался и побудилъ тѣмъ Царя, духовенство и народъ, въ Успенскомъ соборѣ, умолять его принять этотъ высокій санъ. И только послѣ долгихъ упрашиваній, Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: «будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ обѣщали клятвенно, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ принялъ патріаршество.

Важнѣйшимъ его дѣломъ было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Въ древней Руси, какъ вы знаете, всѣ книги переписывались особыми переписчиками. Съ упадкомъ же на Руси просвѣщенія, вслѣдствіе монгольскаго ига, въ книги эти невѣжественными писцами вносилось много ошибокъ, иногда искажавшихъ смыслъ богослуженія. Церковное правительство уже въ началѣ XVI вѣка, еще при Василии III, при помощи ученаго Максима грека и другихъ образованныхъ лицъ начали исправлять ошибки въ богослужебныхъ книгахъ, при чемъ они сличались съ греческими подлинниками, съ коихъ

были ранѣе переведены. Но русскіе люди были преданы своему богослуженію и старинѣ, и многіе изъ нихъ, не понимая истиннаго значенія этого добраго дѣла, возставали противъ него.

Вы помните, что пословъ князя Владиміра въ Царьградѣ больше всего въ православіи поразило богослуженіе, а не христіанское ученіе, не законы церковные. И русскіе люди горячо были преданы православному богослуженію и очень чутко относились ко всякимъ малѣйшимъ измѣненіямъ въ немъ до послѣдней іоты и черты. Этихъ измѣненій они не хотѣли потому, что читали

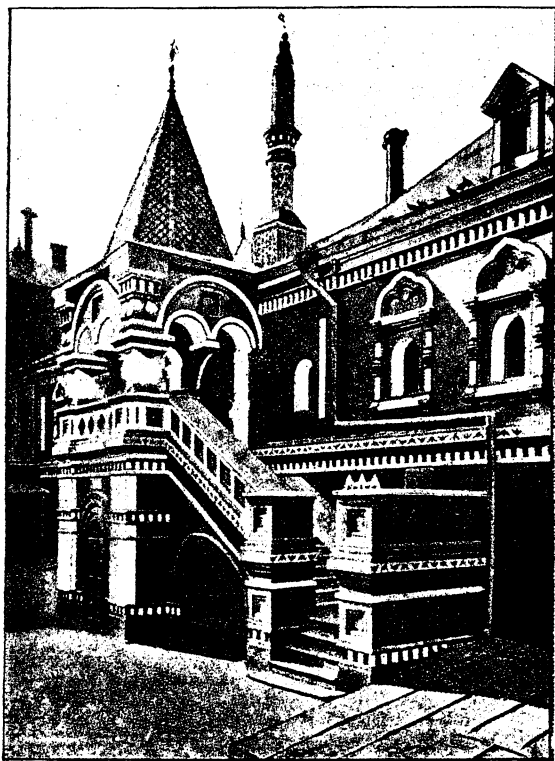

Престольная палата въ теремахъ.

свою старину, подъ сѣнью которой прославилось столько угодниковъ Божиихъ. При недостаткѣ же просвѣщенія, многіе стали смѣшивать обряды съ догматами, великими и страшными, не подлежащими измѣненіямъ; стариной считали то, что было только недавними, но уже привычными ошибками. Особенно подозрительно относились русскіе къ грекамъ, которые, какъ вы знаете, подъ грозой турецкаго завоеванія признали было власть папы на Флорентійскомъ соборѣ; они казались русскимъ измѣнникамъ православія своего рода еретиками. Вотъ почему и исправленія Максимомъ грекомъ богослужебныхъ книгъ на основаніи греческихъ рукописей показалось русскимъ людямъ ихъ

искаженіемъ, введеніемъ въ нихъ новшества и даже ереси и противъ него, возстановителя истинной подлинной старины, истинно православнаго обряда, поднялись страшные ропотъ и негодованіе, и дѣло исправленія книгъ, по греческимъ подлинникамъ, было приостановлено.

Но власти церковныя, при Іоаннѣ IV, какъ митрополитъ Макарій и стоглавый соборъ, видя несогласіе тогдашнихъ бого-

Печатный дворъ.

служебныхъ книгъ даже съ нашими древне-славянскими рукописями, заботились объ ихъ исправленіи, хотя и безъ сличенія съ греческими подлинниками; а ради того, чтобы рукописи не множили разностей въ богослуженіи, завели въ Москвѣ типографію и печатаніе книгъ. Но, къ сожалѣнію, при неосновательномъ и неполномъ исправленіи и въ печатныя книги вошли ошибочныя и недавняго происхожденія разности, какъ напр. двоеперстіе при сложеніи крестнаго знаменія, двоеніе акилли, семь просфоръ на

проскомидіи и проч., а народъ привыкъ къ нимъ, какъ будто къ подлинной старинѣ. Когда при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ восстановлена была въ Москвѣ сгорѣвшая типографія и церковныя власти при помощи архимандрита Троицкой лавры св. Діонисія съ сотрудниками начали было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, приверженцы мнимой, а не истинной старины опять

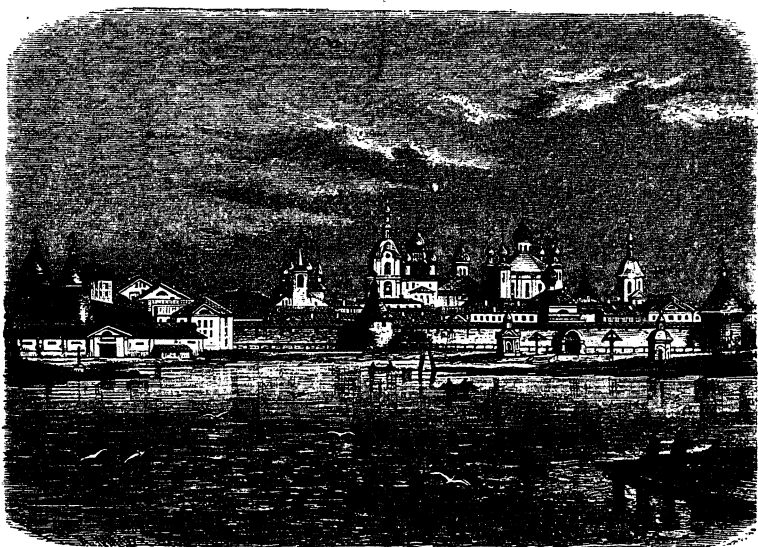
Патріархъ Никонъ. По Титулярнику.

подняли такіе вопли противъ новшества, что исправленія пошли очень недалеко и дѣлались они, какъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, такъ и его преемникъ, очень слабо и поверхностно; богослужебныя книги оставались наполненными ошибокъ, въ народѣ привыкали къ этимъ ошибкамъ, какъ къ глубокой старинѣ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и при патріархѣ Іосифѣ также

нерѣшительно велось исправленіе. Но прїѣзжавшіе съ востока патріархи, ученые греки и кїевскіе ученые, видя множество отступленій отъ древняго богослуженія въ русской церкви, укоренили въ высшемъ церковномъ управленіи сознаніе того, что дѣлавшееся прежде недостаточно, что назрѣла пора обширнаго и основательнаго исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, на основаніи греческихъ рукописей. За это дѣло принялся энергически и пастойчиво патріархъ Никонъ. Удостоверившись и отъ патріарховъ, и отъ ученыхъ людей, и самолично (прибавленіе въ символѣ вѣры слова истиннаго о Духѣ Святомъ), онъ устранилъ отъ печатнаго двора прежнихъ малосвѣдущихъ справщиковъ (протопоповъ Неронова и Аввакума, дьякона Ѳеодора и другихъ), и поручилъ это дѣло ученымъ людямъ, знающимъ греческій языкъ, каковы Епифаній Славенецкій, Діонисій Святгорецъ, Арсеній Грекъ, Арсеній Сатановскій и другіе. Въ Москву отовсюду, изъ Греціи, съ Аѳона и изъ другихъ мѣстъ привозились древнія греческія и славянскія рукописи для сличенія съ ними печатавшихся въ Москвѣ церковныхъ книгъ. Въ 1654 году созванъ былъ въ Москвѣ изъ епископовъ и другого высшаго духовенства соборъ, на которомъ признано было необходимымъ исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ на основаніи греческихъ подлинниковъ. Исправленія были сдѣланы тщательно и одобрены были на новомъ соборѣ, на коемъ присутствовалъ одинъ изъ восточныхъ патріарховъ. Но, когда новопечатныя книги съ сдѣланными въ нихъ исправленіями стали разсылать по церквамъ, люди невѣжественные изъ духовенства и мірянъ отказывались принимать ихъ и совершать по нимъ богослуженіе, называя ихъ испорченными, подъ вліяніемъ грековъ, будто утратившихъ православіе, какъ и западно-русскихъ ученыхъ, будто впавшихъ въ латынство. Защитники старо-печатныхъ книгъ и мнимо-старыхъ обрядовъ (двуперстія, двоенія аллилуїи, хожденія по-соломѣ и проч.) стали агитировать въ народѣ и духовенствѣ противъ нелюбимаго за строгость Никона и побуждать темныхъ людей отдѣлиться или отколоться отъ церкви, но пока Никонъ твердо стоялъ на патріаршей каѳедрѣ. Поклонники мнимои старины, какъ Нероновъ, Аввакумъ и другіе, подвергавшіеся ссылкамъ и другимъ наказаніямъ, не могли такъ успѣшно дѣйствовать противъ новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ; когда же онъ покинулъ патріаршество въ 1658 году, церковныя власти стали дѣйствовать слабо,

а вожди старообрядческаго раскола возвратились въ Москву и стали успѣшно вести пропаганду здѣсь и по другимъ городамъ. Старообрядчество стало даже проникать въ среду боярства, увлека главнымъ образомъ женщинъ, какъ напр. боярыню Морозову, княгиню Урусову и другихъ, доводило даже до открытыхъ бунтовъ, какъ напр. въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ раскольники нѣсколько лѣтъ сопротивлялись воеводскимъ войскамъ. Но когда движеніе раскольническое уже окрѣпло, созванъ былъ въ Москвѣ, въ 1666 году, соборъ, который одобрилъ сдѣланныя исправленія, осудилъ расколъ и расколоучителей, а въ слѣдующемъ 1667 году,

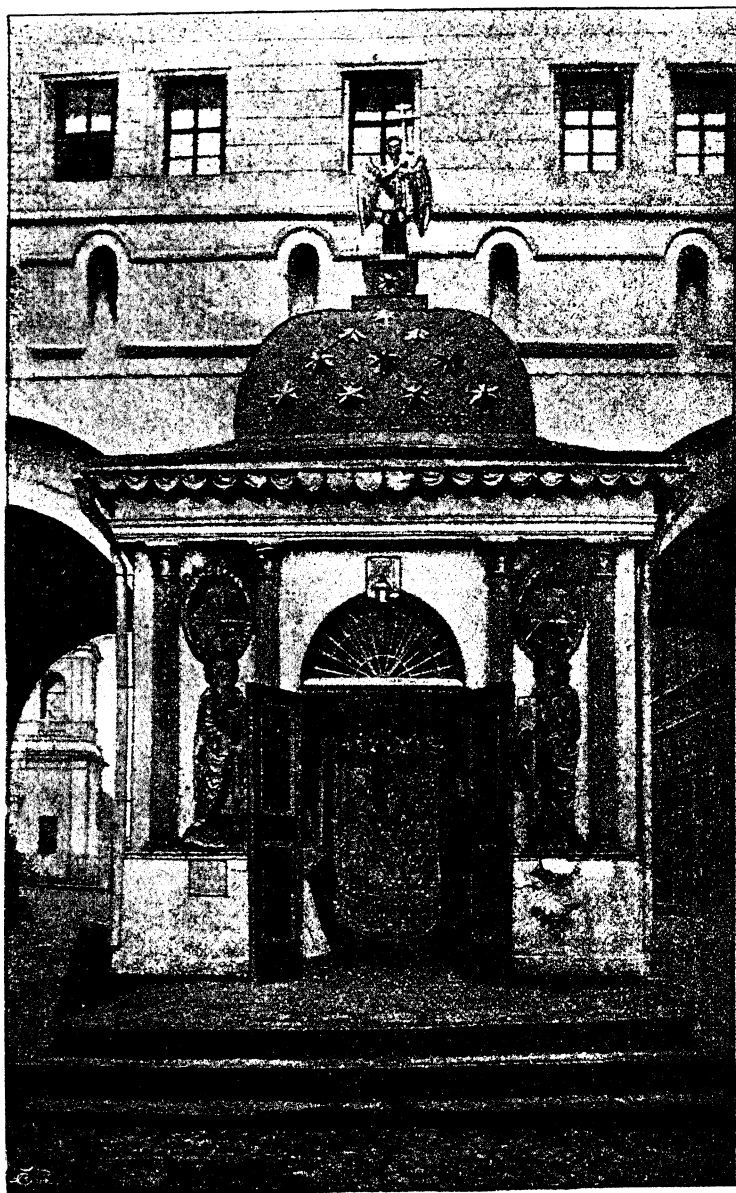

Соловецкій монастырь.

на такъ называемомъ великомъ соборѣ, на которомъ присутствовали два восточныхъ патріарха, одобрены были всѣ подробности никоновскаго исправленія и положена была анаеема на сопротивляющихся православной церкви изъ-за мнимаго старообрядчества. Примѣчательно, что соборъ осудилъ Никона за его вины, о коихъ рѣчь впереди, но совершенное имъ дѣло очищенія богослужебныхъ книгъ въ духѣ подлинной православной древности одобрилъ.

Самое паденіе Никона вызвало не мало безпокойствъ и смуть. Вы знаете, что личное расположеніе Царя Алексѣя Михай-

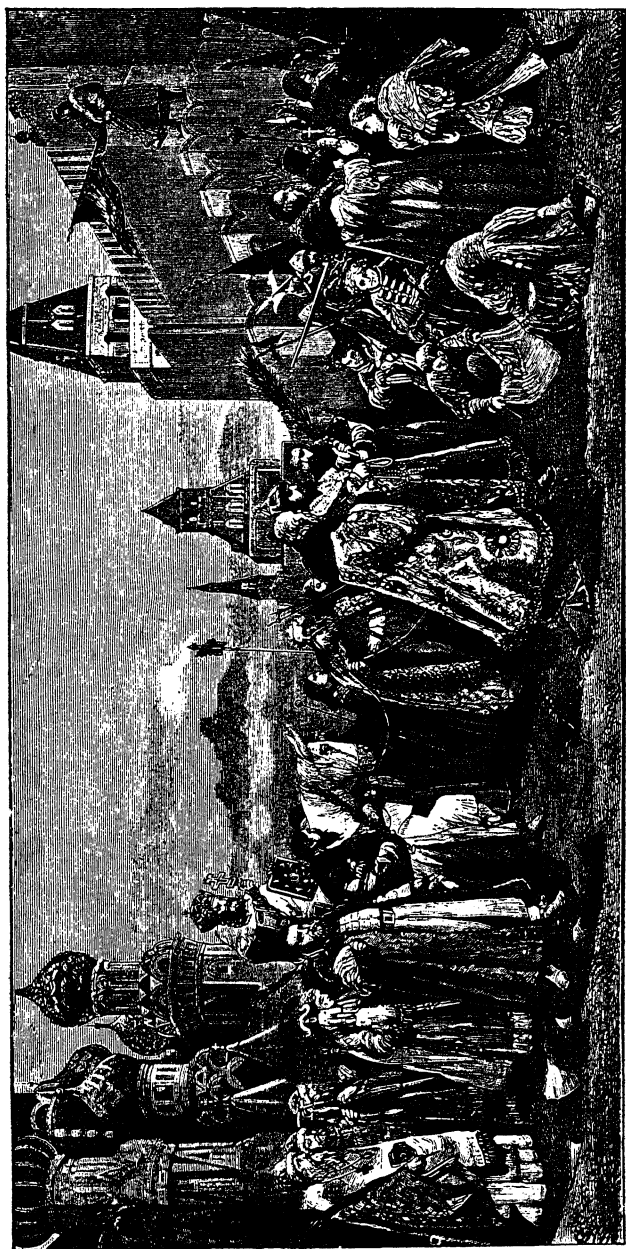

Иверская часовня.

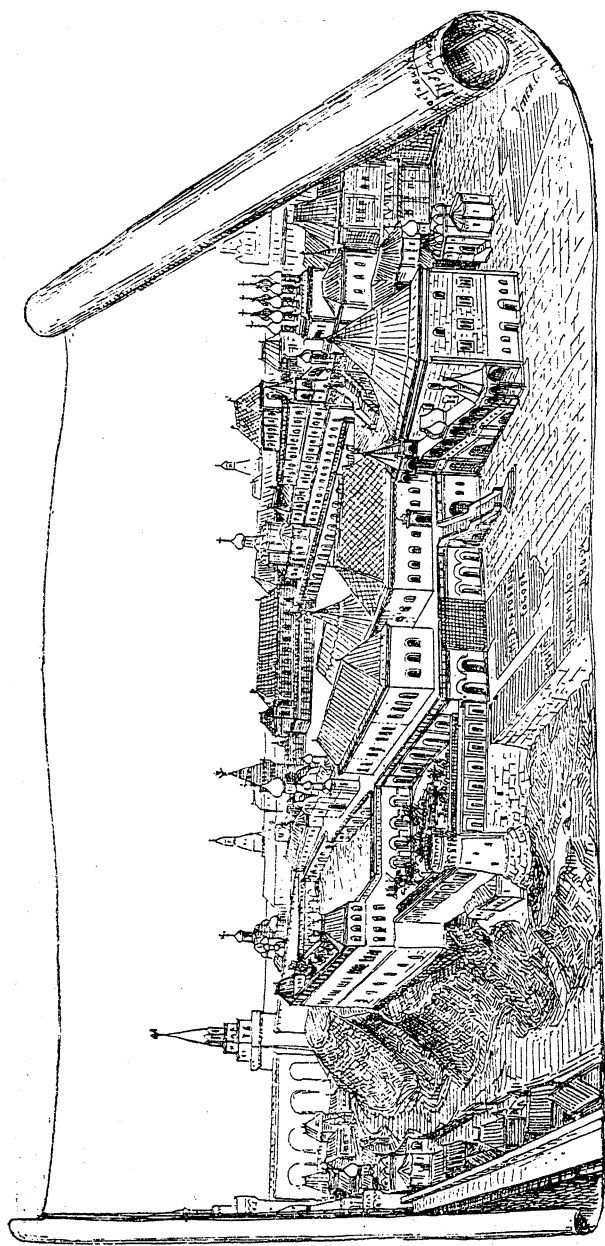
ловича къ Никону возвелъ его на такую высоту значенія, какое не принадлежало въ Россіи другимъ патріархамъ и какое при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ досталось патріарху Филарету Никитичу лишь потому, что онъ былъ отцомъ Государя и сталъ его соправителемъ. По личной любви Государя, ставши его собинымъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ, Никонъ, опять только по волѣ Алексѣя Михайловича, получилъ большое значеніе и въ дѣлахъ государственныхъ; Царь дозволилъ ему именоваться великимъ государемъ, какъ именовался Филаретъ Никитичъ; въ свое отсутствіе въ первый походъ въ Польшу, поручилъ ему самое управленіе государствомъ и береженіе своего семейства. Вы помните, что въ такомъ положеніи правителя государства былъ св. Алексѣй митрополитъ. Но это не надмевало великаго и праведнаго святителя. Не то было съ Никономъ. Распоряжаясь всевластно въ дѣлахъ церкви, не допуская сюда ни малѣйшаго вступательства государственной власти, вооружаясь противъ Соборнаго Уложенія, а въ особенности противъ монастырскаго приказа, Никонъ хотѣлъ дать патріаршей власти въ области государства непринадлежащее ей значеніе и не удерживался здѣсь отъ высокомерія и властолюбія. Забывая, что въ государствѣ онъ только подданный, выставлялъ равенство своей власти съ государевой, свой первосвятительскій посохъ уравнивалъ со скипетромъ и державой царской. Такъ въ новоизданномъ служебникѣ 1655 года Никонъ напечаталъ слѣдующія слова: «да дастъ же Господь имъ (т. е. царю и патріарху) желаніе сердець ихъ; да возрадуются вси живущіе подъ державою ихъ..., яко да подъ единымъ государскимъ повелѣніемъ вси повсюду православніи народы живущи... славити имутъ истиннаго Бога нашего». Въ періодъ своего паденія, раздраженный имъ, онъ договорился какъ разъ до того, что нѣкогда говорилъ папа Иннокентій III: «не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давалъ намъ царь правъ, а церковь обладаетъ; весь священный чинъ ему работаетъ и оброки даетъ... Господь двумъ свѣтиламъ свѣтитъ повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую; архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская — въ вещахъ міра сего». Если царь жилъ въ Москвѣ, какъ въ третьемъ Римѣ, то патріархъ хотѣлъ жить въ Воскресенскомъ монастырѣ, какъ во второмъ, Іерусалимѣ новомъ.

Патріархъ обружалъ себя необыкновенною пышностью, любилъ, какъ говорили современники. «стоять высоко и ѣздить широко», былъ крутъ въ обращеніи не только съ духовенствомъ, но и съ боярами.

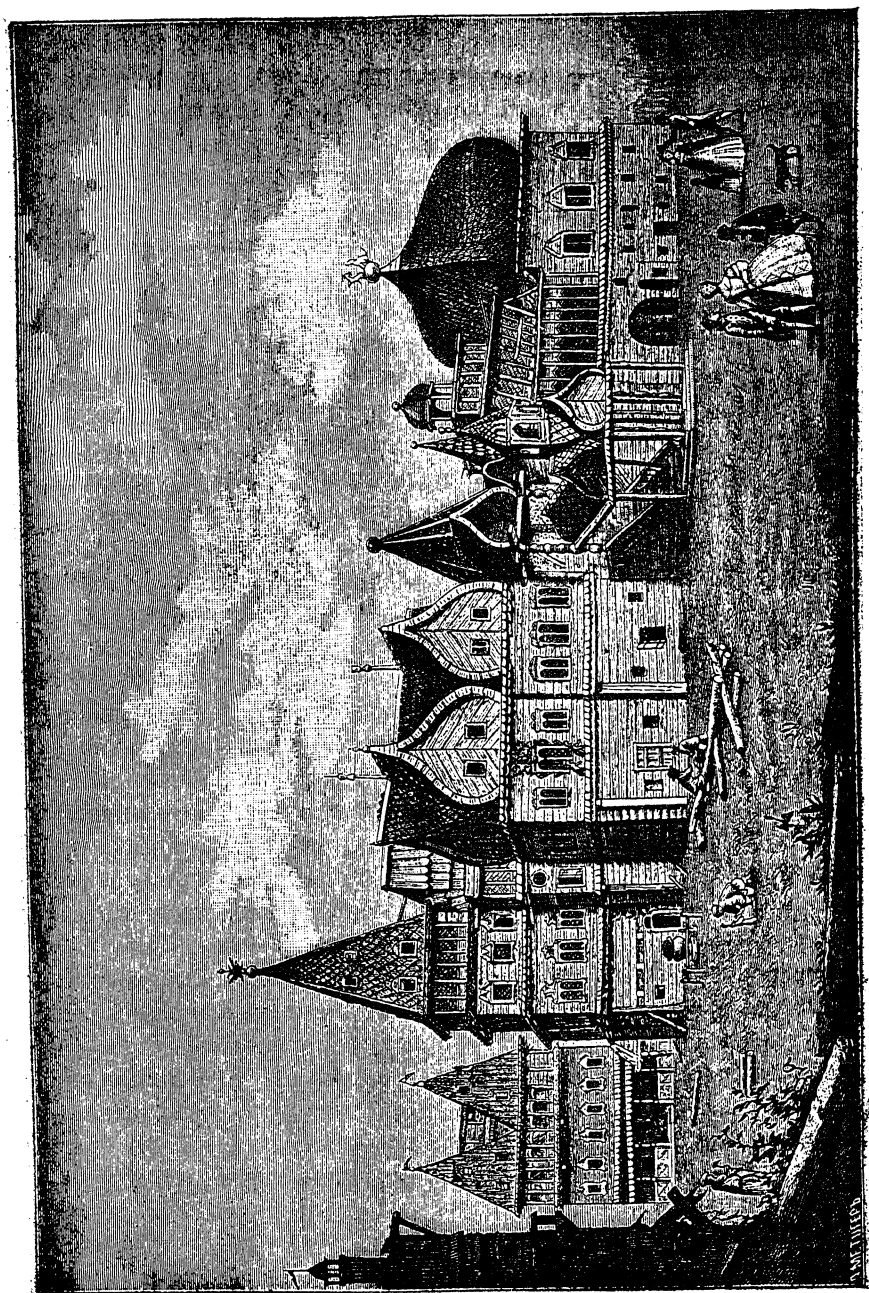
Понятно, что при этихъ условіяхъ, раньше или позже, должны были возникнуть столкновенія между Государемъ и царскимъ дворомъ съ одной стороны и патріархомъ съ другой.—Алексѣй Михайловичъ, по возвращеніи съ польской войны, въ которой онъ укрѣпилъ свой характеръ и созналъ высоту своей всероссійской власти, началъ удаляться отъ Никона и проявлять къ нему остуду. Тотъ, при горячности и строптивости своего характера, не сумѣлъ мягкостью и сердечностью исправить свои отношенія и довелъ ихъ до разрыва. Въ 1558 году принимали во дворцѣ грузинскаго царевича Теймураза. Вопреки обычаю Никона не пригласили на это торжество, онъ послалъ своего патріаршаго боярина Мещерскаго узнать, что это значить, но окольныйчій Хитрово не пустилъ его и даже ударилъ палкою. Никонъ потребовалъ отъ Царя наказанія окольногочаго. Но Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ поговорить по этому предмету съ патріархомъ, но отъ объясненій уклонился, оставивъ Никона безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Ризъ-положенія, патріархъ ожидалъ въ Успенскомъ соборѣ Государя и рассчитывалъ объясниться съ нимъ здѣсь. Но Царь прислалъ сказать, что не будетъ на богослуженіи, а бояринъ Ромодановскій объяснилъ, что «Государь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя». Окончивъ литургію, Никонъ вышелъ на амвонъ говорить поученіе народу. Но всѣ слышали странныя, исполненные горечи и раздраженія, слова: «лѣнивъ я былъ учить васъ, не стало меня на это... Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если помыслию быть патріархомъ, то буду анаѣема». Сказавъ это, онъ переодѣлся въ черную монашескую мантию съ чернымъ клобукомъ, написалъ въ ризницѣ письмо Царю, что оставляетъ патріаршій престолъ, думая, что самъ Алексѣй Михайловичъ придетъ просить его не дѣлать этого, но обманулся въ этомъ и въ сопровожденіи огромной толпы вышелъ изъ собора. Народъ плакалъ, не пуская его изъ Кремля, даже отняли у него карету, но онъ рѣшилъ уйти на Воскресенское подворье и отсюда уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ. Царь, хотя и жалѣлъ прежняго своего друга, но не дѣлалъ ничего къ его возвращенію на патріаршество, а онъ не хотѣлъ отказаться окончательно отъ своего сана, говорилъ раздраженно, писалъ

Патріаршее шествіе въ вербное воскресенье.

Царскіе дворцы въ XVIII вѣкѣ. По рисунку А. А. Иоганова.

Коломыйскій дворець.

укорительное посланіе Государю, отлучалъ отъ церкви своихъ личныхъ враговъ. Въ 1660 году соборъ изъ русскихъ епископовъ постановилъ избрать другого патріарха, а для суда надъ Никономъ пригласилъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Судъ надъ нимъ состоялся на соборѣ въ 1667 году, въ присутствіи Царя, двора, патріарховъ, и онъ былъ осужденъ за самовольное оставленіе патріаршества и неподобающія отношенія къ Государю, лишенъ сана и отправленъ въ заключеніе въ Бѣлозерскую Оеропонтову пустынь. Но въ слѣдующее царствованіе (въ 1681 году) былъ прощенъ, возстановленъ въ священномъ санѣ, возвращенъ въ Новый Іерусалимъ, но на пути скончался и погребенъ въ любимой своей обители.

Противодѣйствія раскола церкви и Никона государству, конечно, были безсильны глубоко потрясти твердыя церковно-государственныя основы. Безсильными предъ государственною организаціей оказались и другія смутныя движенія этого времени. Они исходили изъ низшихъ слоевъ городского населенія и тоже изъ низшихъ слоевъ донского казачества, увлекшихъ за собою и часть крестьянства. Городскія волненія происходили въ то время въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Устюгѣ. Ихъ поднимала чернь, возстававшая противъ злоупотребленій приказныхъ людей, противъ дороговизны, условленной паденіемъ цѣнъ на мѣдныя деньги, ходившія въ то время съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Но эти волненія были быстро подавлены. Гораздо болѣе хлопотъ доставило мятежное движеніе въ низшемъ классѣ донского казачества, сгруппировавшемся вокругъ Стеньки Разина. Движеніе это нельзя сравнивать съ движеніемъ малороссійскихъ казаковъ, которые подялись противъ чужеземной власти поляковъ во имя высокихъ началъ вѣры и народности. Не схоже оно и съ движеніемъ Ермака Тимофеевича, хотя въ началѣ онъ дѣйствовать по разбойничьи, но зато кончилъ искупленіемъ своихъ винъ подвигомъ покоренія подъ высокую царскую руку Сибири и умеръ смертью героя въ битвѣ съ врагами. На Донѣ казачество дѣлилось на два класса: домовитыхъ казаковъ, соблюдавшихъ государственный порядокъ и признававшихъ государственную власть, и голутвенныхъ (голь, босяки того времени), стремившихся къ разбоямъ и своеволію, подобно худымъ и меньшимъ людямъ, какъ говорилось тогда, въ городахъ и посадахъ. Голутвенные на Донѣ множились: потому что сюда бѣжали и тѣ, кого преслѣдовали суды, и крестьяне, которымъ жилось плохо

КАРТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА 1598 - 1676.

ПО АТЛАСУ
И. И. ТОРНАУ.

въ селахъ и деревняхъ. Въ это время у голутвенныхъ казаковъ появился удачливый, предприимчивый, но крайне безправственный предводитель въ лицѣ Стеньки Разина. Ватаги, или шайки голутвенныхъ, для добычи, какъ говорили тогда, зипуновъ, Разинъ направилъ мимо Азова въ Черное море, чтобы тамъ поживиться на счетъ турокъ. Но домовитые казаки, понимая, что это можетъ натравить Турцію на Россію, не пустили Разина съ его шайками. Тогда они бросились на Волгу и здѣсь разбойничали, грабили караваны судовъ и отсюда перекинулись на Уралъ, а затѣмъ чрезъ Каспійское море къ берегамъ Персіи. Обога-

Стрѣльцы.

вшихъ здѣсь большою добычею, они возвращались назадъ, но были остановлены астраханскимъ воеводой княземъ Прозоровскимъ. Онъ обѣщалъ имъ именемъ царя прощенье и пропускъ, если они возвратятъ пушки, захваченныя суда, служилыхъ людей и полоненныхъ персіянъ. Разбойники притворно принесли повинную, но не были склонны исполнить всѣ принятыя условія. Разинъ, окруженный молвой о своихъ будто несчетныхъ богатствахъ и неуязвимости отъ пуль, сталъ на Дону принимать къ себѣ толпы буйной вольницы; а ставши опять атаманомъ большой ватаги, снова перекинулся на Волгу и завладѣлъ

Царицынымъ. Высылаемые противъ него стрѣлцкіе отряды, какъ и чернь, измѣнически переходили на его сторону. Поволжье заволновалось. Астрахань почти безъ сопротивленія сдалась атаману, при чемъ жители сами помогали разбойникамъ перелѣзть черезъ стѣны. Торжествующій Разинъ облилъ себя кровью: первую жертвой его сталъ воевода князь Прозоровскій, сброшенный внизъ головой съ раската; за нимъ послѣдовали нескончаемой вереницей замученные безъ разбора пола и возраста; окровавленные тѣла ихъ кучами сваливались въ ямы и зарывались. Ограблены были не только дома и лавки, но и храмы Божьи. Всюду Разинъ вводилъ казацкое устройство, раздѣляя покоренныхъ жителей на тысячи, сотни, десятки и подчиня ихъ выборнымъ атаманамъ, есауламъ, сотникамъ, десятни-

Одежды XVII вѣка.

камъ. Оставивъ начальствовать въ Астрахани своего есаула Ваську Уса, Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ и захватилъ Саратовъ и Самару. Товарищи его всюду творили разбои, поднимая вездѣ чернь, обѣщая ей, какъ дѣлалъ въ смутное время Болотниковъ, казацкую вольность, имущество богатыхъ, истребленіе бояръ и приказныхъ. Этому вторилъ въ Астрахани Васька Усъ, сбросившій съ колокольни, послѣ жестокихъ пытокъ, митрополита Іосифа.

По мѣрѣ мятежническихъ успѣховъ, Разинъ все больше и больше проявлялъ свой злобный разбойническій характеръ безчисленными грабежами и убійствами. Но, чтобы обманомъ

укрыть отъ черни свою гнусную сущность, онъ сулилъ ей какое-то освобожденіе отъ общественной тяготы и, видя крѣпкое уваженіе народа къ царской власти, распустилъ слухи, будто онъ идетъ за Царя противъ бояръ, будто съ нимъ находится царскій сынъ, умершій уже царевичъ Алексѣй и низложенный патріархъ Никонъ и что царевичъ, взошедши на престолъ, объявитъ всѣмъ льготу и волю. Заволновался народъ, и между Окою и Волгою поднялись противъ государства инородцы: татары, мордва, чувашы и черемисы: всѣ жаждали разныхъ благополучій отъ взымаившаго ихъ Разина. Какъ комъ катящагося съ горы снѣга, росло мятежное движеніе.

Печать Царя Алексѣя Михайловича.

Но вотъ оно встрѣтило крѣпкое сопротивленіе и рассыпалось. Стенка Разинъ былъ разбитъ царскимъ воеводой княземъ Барятинскимъ подъ Симбирскомъ и бросилъ на произволъ судьбы довѣрившихся ему крестьянъ и другихъ своихъ приверженцевъ. Его всѣ поняли и не пустили въ Саратовъ, а на Дону сами казаки схватили его вмѣстѣ съ братомъ его Фролкою и отправили въ Москву, гдѣ онъ въ 1671 году былъ казненъ, а его бунтовскія шайки были усмирены царскими воеводами.

Напрасно смутяны такими волненіями старались задержать Россію въ ея историческомъ движеніи. Болѣе потрясающая смута, смута безцарія или междуцарствія, при здоровомъ госу-

дарственномъ смыслѣ народа, оказалась безсильна на это, смуты же времени Алексѣя Михайловича еще менѣе могли задержать Россію въ ея движеніи, а она готовилась вступить на новый, нелегкій путь, на западъ.

Вы знаете, что самъ Алексѣй Михайловичъ думалъ завладѣть Балтійскимъ побережьемъ отъ истока Невы до устья Западной Двины, завести флотъ на Балтійскомъ морѣ, въ Ригѣ открыть для Россіи окно въ западную Европу. Онъ много, какъ помните, хлопоталъ о подъемѣ просвѣщенія въ Россіи, вызывая въ Москву ученыхъ грековъ и западно-русскихъ ученыхъ, просвѣщенныхъ на началахъ совершившагося на западѣ возрожденія наукъ и ис-

Медаль на рожденіе Петра I.

кусствъ, наполняя нѣмецкую слободу разными иностранцами, военными инструкторами и разными техниками. При немъ, какъ сказано выше, учились русскіе люди по-гречески въ Андреевскомъ и Чудовомъ монастыряхъ, по-латыни (служившіе въ польскомъ приказѣ) въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Дѣлались переводы разныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ. Въ искусствѣ появляется художникъ Симонъ Ушаковъ, соединяющій стиль византійскій съ итальянскимъ. Стали проникать въ бытъ высшаго общества обычаи западные: Ордынъ-Нащокинъ, начальникъ посольскаго приказа, читаетъ латинскія, нѣмецкія и польскія книги и издаетъ рукописную газету «Куранты», преемникъ его бояринъ Матвѣевъ

устраиваетъ у себя нѣчто въ родѣ асамблей нѣмецкой слободы, на которыхъ сходятся и мужчины и женщины для бесѣды и разговоровъ, а не для ѣды и питья. У него начинаются театральныя представленія, которыя скоро переходятъ въ потѣшный дворецъ. Алексѣй Михайловичъ не по-старообрядчески относился къ иноземцамъ запада и востока и готовъ былъ для совершенствованія Россіи пользоваться ихъ образованностью, какъ научною, такъ и техническою, вносить нѣкоторыя измѣненія въ нашъ бытъ, но, глубоко преданный православію и русской народности, онъ далекъ былъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій всѣмъ иноземнымъ, берегся отъ чужебѣсія, какъ называли такія увлеченія Юрій Крижаничъ, запрещалъ еще русскимъ носить заграничную одежду... Но на смѣну Тишайшему Царю, въ 1672 году, родился громовый царь Петръ, который съ грозой и бурей двинетъ Россію на западъ для усвоенія его образованности...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ч т е н і е 1.

Стр.

Прекращеніе династіи Рюрика и трудность избрать родоначальника новаго Царствующаго дома, какъ главнѣйшая причина смуть.—Преданность народа угасшей династіи и его несклонность къ избирательной и ограниченной монархіи.—Избраніе на царство Бориса Годунова.— Народъ не беретъ на себя судить его за несправедливое достиженіе престола, а судъ отдаетъ будто бы спасшемуся царевичу Димитрію, какъ прирожденному престолонаслѣднику.—Характеръ правленія Бориса Годунова.—Появленіе Лжедмитрія I, его похождения и успѣхи, смерть Бориса и воцареніе самозванца.—Женитьба его на Маринѣ Мишицкѣ.—Гибель Лжедмитрія и воцареніе Василія Шуйскаго .. 1 — 24

Ч т е н і е 2.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.—Новыя проявленія смуты и Лжедмитрій II.—Тушинскій лагерь.—Осада Троицкой Лавры.—Скопинъ-Шуйскій.—Низложеніе Василія Іоанновича.—Присяга Москвы королевичу Владиславу, занятіе ея Жолкѣвскимъ и отправленіе великаго посольства къ Сигизмунду III подъ Смоленскъ.—Патріархъ Гермогенъ и его грамоты.—Ополченія 25 городовъ подъ Москвою и гибель Прокопія Ляпунова.—Самая лютая пора лихолѣтя.—Троицкія грамоты.—Преподобный Діонисій, Мининъ и князь Пожарскій.—Освобожденіе Москвы и конецъ смутнаго времени ..... 25 — 48

Ч т е н і е 3.

Избраніе Михаила Феодоровича, по грамотамъ того времени, какъ возстановленіе наслѣдственной и самодержавной монархіи.—Иванъ Сусанинъ и спасеніе Царя.—Знаменательная быстрота въ возстановленіи государственнаго порядка, при множествѣ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ, при полномъ разореніи Россіи.—Борьба съ Заруцкимъ, Лисовскимъ и разными мятежниками.—Миръ со Швеціей.—Первая война съ Польшей и Деулинское перемиріе.—Возвращеніе въ Россію Филарета Никитича, его патріаршество и государственное значеніе.—Дѣла внутренняго управленія.—Вторая война съ Польшей.—Азовское сидѣніе казаковъ ..... 49 — 73

Второй представитель Царствующаго Дома Романовыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ и его значеніе.—Личный характеръ государя по отзывамъ современниковъ—иностранныхъ и русскихъ.—Его глубокая религіозность, его умъ и образованіе, его доброта и мягкость, сердечная привязанность къ друзьямъ и благотворительность. — Его взглядъ на Царскую Власть. Отношеніе къ древней Руси и Западу. — Его потѣхи и охота . . . . . 74 — 89

Чт е н і е 5.

Законодательная дѣятельность Алексѣя Михайловича и Соборное Уложеніе.—Малороссія и ея судьбы подъ польскимъ владычествомъ.—Богданъ Хмѣльницкій и борьба казаковъ съ Польшей.—Трактаты зборовскій и бѣлоцерковскій.—Присяга Малороссіи на подданство Царю.—Войны съ Польшей и Швеціей. . . . . 90 —105

Чт е н і е 6.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, патріархъ Никонъ, происхожденіе раскола, паденіе Никона.—Мятежныя движенія при Алексѣѣ Михайловичѣ и бунтъ Стеньки Разина.—Значеніе этого царствованія, какъ подготовительной ступени къ эпохѣ сближенія съ Западомъ.—Смерть Алексѣя Михайловича. . . . . 106—125

Въ книгѣ 87 рисунковъ, съ приложеніемъ грамоты о призваніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и карты Россіи 1598—1676.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Историческій музей.